

63.3(235.55)

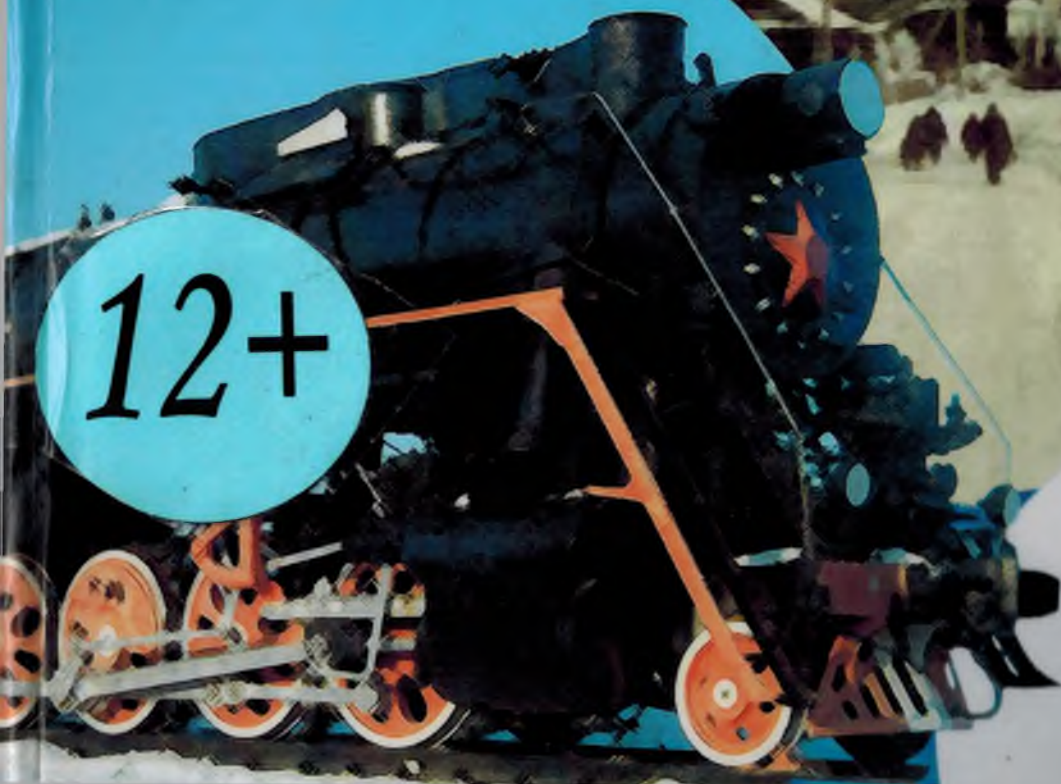
К71 - А

Б.Д. Косолапов

Родные пенаты

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

12+

63.3(235.55)
к 21 - А

Б.Д. Косолапов

Родные пенаты

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

- 122215-
2

*Муромские мои,
Катюшки,
поселились...*

МУ «Централизованная
библиотечная система»
ГО Красноуральск

2012 г

THE HISTORY OF THE
CITY OF BOSTON

By
JOHN H. COLEMAN
Author of "The History of the City of Boston"
and "The History of the City of New York"

Предисловие

Мысль, хотя бы частично восстановить свою родословную и связанные с нею судьбы и события последних уходящих столетий, казалась мне очень заманчивой и трудноразрешимой. Но после выхода на пенсию, времени стало достаточно, чтобы превратить эту идею в жизнь. Мемуары пишут бывшие президенты и простые пенсионеры, это стало модным и доходным делом. Я же пишу потому, чтобы не потерялась последняя нить, связывающая меня с ушедшими поколениями. Мне глубоко неприятны люди, пытающиеся перекроить историю и биографию людей ушедшей эпохи под сегодняшний день. Но, как нельзя выкинуть слово из песни, так нельзя и кривить душой в этом. Хотя многие приоритеты меняются в угоду тех или других политиков.

Бывшее царское самодержавие трактуется некоторыми политиками — монархистами и даже видными людьми, как чуть ли не богоугодным и единственно правильным в то время режимом. Хотя в истории много фактов, когда церковь не одобряла многие реформы царей и их правительств. Ведь не от хорошей жизни крестьян и рабочих по всей России происходили восстания и бунты. И крепостное право было отменено только потому, что власти почувствовали — народ не будет терпеть этого унижения и поднимется, сметет самодержавие. Это назревало еще далеко до отмены крепостного права: в соляных бунтах, в восстании Пугачева.

Краткая историческая справка

На Кыштымском и Каслинском заводах в 1882 году во главе восставших были Клим Косолапов, а также его братья Калистрат и Архип.

Почти три столетия отделяют нас от того времени, когда на Урале в срочном порядке проектировалось и утверждалось в Москве строительство новых уральских железоделательных и чугунолитейных заводов. По высшему монаршему указу предписывалось начать строительство этих заводов. Чтобы поднять экономику и мощь армии России нужен был свой металл, особенно железо и чугун.

На строительство потянулись обозы с необходимыми материалами Толпы пеших мастеровых вместе со своими семьями, скарбом и живностью переселялись из соседних губерний. Строились на реках плотины, рубленные из дерева, возводились дамбы из кирпича, молотовые фабрики и кузни, рубленные деревянные церкви, амбары для хранения железа, сарай для извести, меховые для домницы, дом управителя с пристроями и покоями. Для мастеровых строились сосновые избы, заводская контора, да земская с колодничьей избой.

По реестру к каждому заводу приписывались от 100 до 500 рабочих людей, но зачастую эти нормы не соблюдались и превосходили в несколько раз. Тяжелейший ненормированный труд был дармовым: за хлеб. Вот некоторые примеры из производственных заданий того времени: один рабочий за день должен выработать кубическую сажень породы или выкопать на расстоянии 20 саженей 100 тачек или 300 пудов руды. Артель из четырех человек должна поднять и ссыпать в отвалы 200 пудов руды.

Для улучшения качества продукции на заводах применялись новейшие технологии по тем временам. Мастеров консультировали известные специалисты: такие как Георг Вильгельм де Генин — голландец по происхождению, генерал — лейтенант, служащий России с 1698 года, в дальнейшем был управляющим главной артиллерийской канцелярии страны; А.А. Граматчиков, закончивший в Петербурге кадетский корпус горных инженеров, образованнейший человек. Он принимал непосредственное участие в создании научного общества горных инженеров в Екатеринбурге. Его труды о чугунолитейных заводах и разработках угля и руды издавались в центральной прессе и переводились на иностранные языки; так же на Кыштымском и Каслинском заводах практиковал и экспериментировал талантливейший химик и металлург Д.И. Менделеев. Много было самородков рационализаторов — изобретателей и среди мастеровых.

Несмотря на большие доходы, которые получали хозяева уральских заводов — Демидов, Расторгуев, Зотов и другие, на нужды рабочих отпускались крохи. Безграмотных рабочих обманывали заводские расчетчики, и обжаловать такие действия было не перед кем, рабочие были бесправны. При малейшем неповиновении их секли розгами и палками, заковывали в кандалы, а беглых ссылали в

Сибирь, в рудники, откуда живым почти никто не возвращался. Так было на всех уральских заводах, не исключением были порядки и на Кыштымском и Каслинском заводах, где хозяином был Расторгуев, позднее продавший заводы еще большему тирану Зотову, получившему в народе кличку «Кыштымский зверь». Он лично сам допрашивал и зверски избивал бунтовщиков, на его совести множество загубленных душ, сброшенных на дно заводского пруда. Вот здесь, в Кыштыме, жила, работала, боролась за социальную справедливость династия Косолаповых, моих дальних предков.

Кыштым

Расположен в 90 км к северо-западу от Челябинска. Первое поселение было образовано в начале XVIII века бедными крестьянами и башкирами. Датой основания считается 1757 год. Кыштымские заводы, построенные в 1757 году на купленной у башкир земле 29,3/4 и 49,3/4 версты за 72 рубля ассигнациями Демидовым и заселены его крепостными людьми из разных губерний. Впоследствии, к ним для заводских работ принимались тоже на правах крепостных беглые люди из Сибири и Европейской России. В 1809 году заводы были проданы волжскому купцу Л.И. Расторгуеву, потомкам которого принадлежал до последнего времени Кыштымский горный округ. Округ был славен богатством ископаемых, кроме месторождений золота, железных и медных руд, пирита и хромистого железняка, в округе были найдены месторождения минералов: корунда, шпинели, рутила перовскита кеммеририта и др.

Для выработки металла на Кыштымских заводах руда частью шла из своих дач, частью покупалась в соседних башкирских дачах и Уфалейских заводах. Разработка руды велась как открытым, так и подземным способами. В 1842 году образованный вокруг завода поселок стал центром Кыштымского горного округа. А в 1895 году стал железнодорожной станцией «Кыштым» на железнодорожной ветке Екатеринбург — Челябинск.

Верхне-Кыштымский чугуноплавильный и железоделательный завод расположен на реке Кыштым, текущей через озеро Наогу в большое озеро Иртям. В заводском селении около 10 тысяч жителей. В 3 верстах от него, ниже по реке Кыштым расположился Нижне-Кыштымский завод. Главное занятие населения — тяжелая изнурительная работа на хозяев этих заводов: заготовка древесного угля, выработка металла в горячих непрветриваемых цехах, добыча золота на приисках. Кто был не занят на заводах, занимался старинными промыслами: экипажным, колесным, слесарным и гвоздарным. Последний позднее стал падать, так как на рынках кованный гвоздь стал вытесняться машинным нарезным из проволоки.

В городе три церкви, несколько училищ, больница, аптека, 101 торговое заведение с оборотом в 847 тысяч рублей. В центре главного заводского поселка, на возвышенном месте стоит памятник, сооруженный в 1885 году заводскими мастерами в память об освобождении их от крепостного права. При заводе имеется музей Каслинского чугунолитейного завода. Все изделия отличаются изяществом и тонкостью работы, многие из них выполнены по моделям известных художников: Клодта, Готье, Лансере и других.

Кыштым — главный завод Кыштымского горного округа: здесь находится главная контора и живет управляющий округом. Округ состоит из семи заводов: Верхне и Нижне-Кыштымских, Каслинского, Теченского, Верхне и Нижне Нязепетровских и Шамахинского. Первые четыре завода находились в Екатеринбургском, а последние в Красноуфимском уездах. Всей земли в округе было 514 тысяч десятин, в том числе 414 тысяч десятин лесного массива.

*Данные взяты из энциклопедического
Словаря Ф.А. Брокгауза за 1895 год,
Из описания путевых заметок
П.П. Семенова -Тянь-Шаньского
«Урал и Приуралье» 1914 год*

Кыштымские события 1821–1822 годы

Здесь речь пойдет о восстании рабочих на Кыштымских заводах под предводительством Клим Косолапова и его братьев Калистрата и Архипа.

По воспоминаниям кыштымских старожил того времени, их отец и дед воевали за лучшую жизнь трудового человека. Уже с осени 1821 года начали задерживать выдачу провианта, хлеба, а работу заставляли справлять в полную меру: По распоряжению Расторгуева, владельца заводов, мастеровых стали гонять и в рудник и на лесную кабанную (дроворубную) работу. Заработка не хватало ни мастерам, ни подсобным рабочим. Хлеб в цене поднялся. За малейшее неповиновение наказывали. Что делать? Неужели нигде не найти работным людям защиты? Об этом днем и ночью думал кузнечных дел мастер Климентий Косолапов. Что делать, чем помочь людям? Что и говорить, довел господин Расторгуев до самой крайности.

На собрании решили отправить в Екатеринбург 54 ходока. Они, добравшись до города, обратились к помощнику начальника Екатеринбургских горных заводов с слезной жалобой на притеснения со стороны заводчиков. Все ходоки были брошены в камеры и наказаны палками. Узнав, что готовится экзекуция в самом Кыштыме, Климентий Косолапов начал действовать быстро и решительно: «С нами поступают незаконно и, ежели мы не дадим отпора, так на-

частьство с каждого «семь шкур спустит», надо быть всем заодно и стоять крепко», — говорит он мастеровым.

Управитель Блиновский секретно доносил берг-инспектору, что Климентий Косолапов с братьями Архипом и Кириллом подбивают заводской люд и жителей Кыштыма и Каслей к неповиновению и призывают к поднятию бунта. Рабочие, вместе с Климом изыали из конторы шнуровые книги и обнародовали насколько их обсчитывали расходчики. Повсеместно в селах крестьяне и рабочий люд поднимались против своих угнетателей и присоединялись к крестьянам. Климентий Косолапов сделал необходимые распоряжения, велел раздать людям оружие и воинский припас, приказал кузнецам ковать пики. Послал в Нязепетровск и Каслинский завод нарочных с просьбой поддержать кыштымцев и быть всем заодно. Сподвижниками Косолаповых были Афанасий Куприянов, Ефим Устинов, Назаров, Василий Куренков. Восставшие арестовали приказчика и заводское начальство, а по дорогам поставили караулы. По просьбе Расторгуева, на подавление бунта в Кыштым и Касли были высланы войска: две с половиной тысячи с артиллерией и конницей, карательный отряд казаков.

По дороге в Касли был арестован Косолапов с одиннадцатью подвижниками. В Кыштыме, в доме Косолапова арестовали еще 40 человек, все они были избиты палками. После множества допросов, где Клим не проронил ни единого слова, они с Андреем Сивковым и Денисом, подпилив напильником решетку, ненастной ночью бежали из острога. Спасительный напильник им передали с передачкой товарищи.

Побег Косолапова напугал Екатеринбургское горное начальство. Во все концы полетели бумаги о розыске беглецов, были направлены полицейские и воинские команды.

В это время Расторгуев перепродал свои заводы Зотову. Скоро Зотову донесли, что сбежавшие скрываются на островке на озере Сагунок. Зотов срочно отправил туда Блиновского. За 10 рублей наградных тот предательски убивает спящих беглецов. Но не прошло и месяца, как самого Антона Блиновского настигло возмездие. В лесу он попал в руки Калистрата Косолапова, брата Клима и был приговорен к смерти. Приговор был исполнен. Восстание было жестоко подавлено также, как и восстание Емельяна Пугачева, в котором принимал участие отец и дед братьев Косолаповых.

Больше оставаться на Урале Кириллу и Осипу было нельзя. Опасаясь за свои семьи, они укрывались в землянках на горе Сагунок. Григорий Зотов грозил, что уничтожит весь род Косолаповых. У Кирилла было четверо детей: Самоил, Семен, Терентий и Анна. У Осипа — трое: Мария, Фекла и Василий.

Осенью 1824 года темными дождливыми ночами, переодевшись в рухлядь, они выехали. В дороге их охраняли и сопровождали местные башкиры. Целью их была Вятка, в лесах которой можно было укрыться от преследования. Вековые кондовые деревья, отсутствие больших дорог и городов служило райским углом, надежным щитом для беглого люда с издавна.

Вятка

Южнее Великого Устюга, отступая от берегов вглубь земли, стоят стеной дремучие темные леса. Издревле, эта бескрайняя тайга была непроходимым адом особенно весной, когда большая промысловая река Вятка с множеством притоков превращалась в безбрежное море. Зимой, качаясь под ветром, трутся и стонут вековые исполины, засыпанные многометровым слоем снега. Здесь, в похрах, спят зимами в теплых своих берлогах медведи, «хозяева» тайги. Здесь, разгребая широкой могучей грудью глубокие снега, живет лось. Здесь царство неисчислимого поголовья мелкого пушного зверья, несущего на себе «мягкое золото»: белки, горностаи, колонки, розомахи, куницы, лисы, соболя. Леденеет в жилах кровь, когда запоздалый путник слышит вой волчьей стаи.

Когда-то давно, не менее кровожадный Чингисхан, покоривший полмира своим неисчислимым войском, завяз в этих лесах и болотах, не зная законов, обычаев и нравов этого края и его жителей. Издревле заселяли эти места русские молчаливые люди. Они пришли сюда, отступая от цивилизации, ища мира и защиты в этих лесах. Веками они вели борьбу против леса, отбивая себе места для пашен. Валили деревья топорами и без единого гвоздя строили себе добротные дома с множеством надворных построек под одной крышей. Так возникали новые поселения (починки). Большими кольями, с хрустом в спине, корчевали бесконечные пни, закладывая среди выкорчеванного леса «нивы» под рожь, овес и лен. С «новья» брали хорошие урожаи. И так все дальше и дальше свободные от войн и притеснений люди основывали новые займища, села, починки. У вятичей был свой идеальный уклад жизни. Среди поселений обозначались центры, погосты.

Происходил обмен товарами и продуктами леса, рек, озер и человеческого труда. Здесь власть держал и управлял самый мудрый и старый — староста. В то же время вятичи были отличными войнами. Еще во

времена князя Владимира, в походе на Константинополь участвовала очень мобильная и бесстрашная дружина вятичей. Они отличались богатырским телосложением и выносливостью. И так век за веком этот заброшенный таежный край принял под свой кров

тысячи бежавших крепостных крестьян, рабочего люда. Таким же образом попали в эти края братья Косолаповы: Кирилл и Осип со своими семьями.

Лесная обитель

Добирались они более месяца, в основном передвигаясь ночами, а днем отдыхали в лесу в стороне от больших дорог. Остановились на одной из таежных заимок, в 200 верстах от города Хлынов (Киров). На семейном совете решили здесь обосноваться и начать строить себе жилье. Так же, как и их предшественники, они рубили лес, корчевали пни, построили себе несколько добротных домов с хозяйственными пристройками для скота. Распахивали землю под пашню, сеяли рожь и овес. Таежные «хозяева», медведи, не хотели такого соседства: вытапывали и выкатывали зерновые, а «серые разбойники», волки, норовили загрызть любую домашнюю живность, начиная от собаки и кончая лошадьми. Поэтому скот пасли с оружием.

Тайга давала хорошее подспорье к столу: мясо сохатых, кабанов, медведей. Реки изобиловали разнообразной рыбой: щука, сомага, окунь, линь, налим. Рыба была основной едой в дни постов. В сосновых и еловых борах летом росло несметное количество грибов и ягод. Из грибов — боровики, рыжики, подосиновики, а из ягод — медовая морошка, земляника, черника, на болотах — клюква и брусника, на возвышенных местах были заросли малины, а по берегам рек — смородина. Легкой добычей охотников были утки, тетерева и гуси.

Постепенно поселения расширялись за счет вновь прибывающих беглых. Люди чувствовали здесь себя свободными и зажиточными за счет своего труда. Построили ветряную мельницу для помола зерна, смолокурню, пасеки. Постепенно поселение, где остановились братья Косолаповы, разрослось в большую деревню и ей дали название «Пчелинская».

Шло время, менялись поколения, а рядом выросли новые деревни. В 1876 году в деревне Пчелинская родился мой дед Иван, в 1878 году родился его брат Терентий, а в 1884 году его младший брат Алексей. Основным доходом семьи была продажа леса и меда, держали большие пасеки. Из березы в смолокурнях гнали деготь. Лес заготавливали летом, зимой большими обозами на лошадях вывозили его за сотни верст в безлесные районы на продажу. Хорошим спросом пользовались выделанные шкуры лесных пушных зверей.

Повзрослевшие братья рано приобщались к промыслу и торговле. В одну из таких поездок мой дед Иван с обозом остано-

лись на почевку в деревне Черемисы, в двадцати верстах от села Свеча. В доме, где они остановились, жила большая семья. В этой семье были две взрослых девушки на выданье. Но Ивану понравилась четырнадцатилетняя, черноглазая, длиннокосая младшая дочь хозяина — Харитина. Отец не хотел выдавать ее замуж, ссылаясь на несовершеннолетие дочери. Однако Иван предложил хозяину дома за дочь десять саней дров и лесу на избу. На этом и порешили. Дед Иван был старше моей бабушки Харитины на 20 лет. Женидьба Терентия была тоже интересной: перед уходом на царскую службу, а служили тогда по 25 лет, зашел он к соседям попрощаться и увидел в колыбельке маленькую девочку, шутя сказал: «Вернусь со службы, как раз и невеста подрастет, женюсь на ней». На самом деле так и получилось. Вернулся Терентий со службы и женился на красавице Анисье. Младший брат Алексей женился на сварливой, некрасивой и завистливой Вассе.

По рассказам моей бабушки Харитины дед Иван отличался отменным богатырским здоровьем и силой. Не один раз он ходил «с рогатиной» на медведя, а чугунную «бабу» в 14 пудов, которой забивали сваи, поднимал до пояса, да еще и ходил с ней. Его брат Терентий был под стать ему. Младший брат Алексей худощавого телосложения был непохож на своих старших братьев: он был молчалив, завистлив и мстителен.

Братья Иван и Терентий воевали в первую мировую войну в составе казачьих соединений сотниками. Сохранились старые фотографии, где они в черкесках с саблями. Когда они пришли с фронта домой, то застали там страшную картину: от недоедания, болезней умерли ослабленные дети, до войны процветающие хозяйства, пришли в упадок: у Ивана из четырех коров осталась одна, из двух лошадей — одна. То же самое было и в хозяйстве Терентия. Оказалось, что все забрал за долги прижимистый младший брательник Алексей, деревенский кулак, на которого батрачила вся деревня. Между братьями произошел крупный разговор, после этого, кое-что Алексей вернул им.

Революция 1917 года

Минул октябрь 1917 года. В России грянула Революция. Если в городах и поселках революционные события как-то всколыхнули людские массы, то в глухой лесной глубинке, где не было ни газет, ни радио, где длинными осенними вечерами женщины пряли шерсть и ткали холстины, а мужики, собравшись в одной избе, чадили махорку и вели разговоры про Декрет о земле, о царе, о коммуне, обсуждали слухи, якобы услышанные от артельщиков-пимокатов, недавно приехавших в деревню. И рождались слухи один нелепее

другого. Агитаторы стали появляться уже намного позднее чем через год.

До ближайшего города Хлынова 200 верст лесами, постепенно в полостях и деревнях устанавливалась Советская власть, образовывались пока немногочисленные партийные ячейки. Молодой республике нужен был свой хлеб. Так, коалиция капиталистических стран объявила продовольственную блокаду. По призыву партии в деревни и волости из Москвы и Питера были направлены передовые образованные партийные работники — «двадцатитысячники», для поднятия сельского хозяйства и установления советской власти на местах. Одним из них был И.Ф. Целищевский, прибывший из Питера в село Архангельское. Это был высокий мужчина 30 лет с армейской выправкой, в хромовых, начищенных сапогах, в серой длинной шинели и черной папахе. Каждый день он верхом на лошади объезжал ближайшие деревни и села, проводил в партийных ячейках собрания.

В стране была объявлена продразверстка. В то время, когда голодали рабочие в городах, голодала армия, местные богатеи, кулаки встретили «в пытки» это известие: стали тайком в тайге закапывать хлеб, продавали скот, а деньги прятали. Наиболее недовольные создали отряды, и ушли в тайгу. С оружием в руках громили они партийные ячейки, выслеживали и убивали активистов. По пути в одну из деревень попал в засаду И.Ф. Целищевский, он был зверски убит кулацкой бандой в 1923 году. Похоронен И.Ф.Целищевский на площади возле церкви в селе Архангельском Шабалинского района Кировской области.

Назревала Гражданская война, над молодой республикой нависла угроза изнутри: на юге восстали белоказаки и белые офицеры, в деревнях — кулаки, с Запада двигались белочехи и Антанта, с Востока — армия Колчака. Началось смутное время. В глухой провинции власть переходила из рук в руки: неделю стояли «красные», отступали — приходили «белые». Эти уходили, власть захватывали анархисты и уголовники. Про одного такого бандита, главаря Щукина рассказывала моя бабушка Харитина. Так вот он, ради удовольствия, в пьяном угаре стрелял из своего «парабеллума» из окна своего штаба в проходящих по улице людей: попадет или нет. Его сестра была большевичкой. Она учила в сельской школе детей. Щукин не один раз предупреждал ее, чтобы она не ходила на партийные собрания и прекратила агитацию среди сельчан. Но она продолжала вести партийную работу. Щукину донесли, и он в запале гнева, пьяный, самолично казнил ее на площади, собрав перед этим народ для устрашения. По его приказу были схвачены и расстреляны здесь же, на площади два матроса — балтийца, приехавшие на побывку к родным.

Мой дед Иван и его брат Терентий ушли в лес и воевали на стороне «красных». «Белые» не раз делали в домах Ивана и Терентия обыски. В скирде соломы в огороде было спрятано оружие, чтобы ночью переправить его в лес. И в это время нагрянул отряд белогвардейцев с обыском. Офицер поставил бабушку Харитину к стенке и сказал, что самолично расстреляет ее, если что-нибудь найдут. Скирду протыкали штыками, но винтовки были заматаны в самой середине скирды, внизу, поэтому не были обнаружены. Потом стало известно, что на Ивана и Терентия донес их младший брат Алексей.

Смерть моего деда была страшной: однажды в мае 1924 года Иван зашел к Алексею в дом и потребовал отдать ему «железный ходок», который тот забрал себе наглým образом, когда Иван был на фронте. Алексей отказался, между ними произошла ссора. Иван вышел во двор и разломал ходок со словами, что пусть не достанется ни мне, но и ни тебе и пошел к воротам. Алексей схватил нож, которым колол скот, догнал Ивана и сзади, по-предательски, ударил ножом под сердце. Иван упал, истекая кровью. Алексей нанес ему еще 14 ранений. Его жена разбила голову Ивану сырым березовым черенком от вил. Сделав свое черное дело, они вытащили его со двора и бросили в канаву. Терентий, услышав о смерти своего любимого брата, схватил винтовку, но дома Алексея не добежал. Не вынесло сердце, упал и умер.

Над Алексеем был суд, но судья, подкупленный Алексеевой семьей, обвинил во всем Ивана. Но в деревне Пчелинской жить он уже не мог, мучила совесть, потерял сон, говорят везде ему начал казаться Иван. Когда началась коллективизация, Алексей продал свою усадьбу и поселился на дальнем лесном починке. На какой-то срок след его потерялся. Судью — взяточника, который освободил Алексея все же осудили, но уже по другому делу. Харитина и Анисья сразу же вступили в колхоз и работали, не покладая рук день и ночь, чтобы прокормить детей. Шло время, дети подрастали. Старшей в семье Харитины была дочь Анна 1914 года рождения (моя мать), за ней шел сын Николай 1916 года рождения и Василий — 1921 года. Харитина с Анисьей держались вместе, выращивали свиней, бычков на продажу, скопили денег и купили усадьбу с двумя пятистенниками.

В 1931 году моя мать вышла замуж за Дмитрия Косолапова. В этом же году они переезжают из Кировской области в город Березники Пермской области. Отец работал директором овощного магазина, а мама в том же магазине продавцом. В 1932 году у них рождается дочь Вера (моя старшая сестра), в 1938 родилась Лида (моя средняя сестра). В 1939 году отца призывают на войну с белофиннами. В этом же году, в Березники, переезжают братья мамы:

Николай и Василий. Здесь они получили специальности и работу, ходят на курсы ДОСАФ и ДОСАРМ, где учатся военным навыкам: стрельбе, киданию гранат, прыжкам с парашютом.

Отец вернулся с фронта через год, война закончилась. Родители в 1941 году решили сменить место жительства, переехать в Севастополь. Уже были куплены предварительно билеты. Но в ночь с 21 на 22 июня началась война с Германией. Отец с братьями, Николаем и Василием, добровольцами ушли на фронт. Перед уходом отец шутил, что если бы и захотел спрятаться, то не получилось бы, рост у него был 1 метр 98 сантиметров. Воевал он в должности командира минометной батареи. В конце 1941 года дивизия, в которой он воевал вышла из окружения с тяжелыми боями и большими потерями. От дивизии осталась одна рота. Зимой 1942 года дивизия была вновь сформирована.

Письмо с фронта

В декабре 41-го почтальон из села Колосово резко натянув вожжи и осадив захудалую лошаденку, остановился возле дома на краю деревни. Сани, скрипнув полозьями, остановились. Из них как-то боком выбрался мужчина лет пятидесяти. Он был одет в старый длинный тулуп. Из под которого выглядывал один серый подшитый пим, а вместо второго — деревянный протез с резиновым наконечником. Припадая на протез он направился к тесовой глухой ограде. На плече на длинной лямке болталась холщовая сумка с письмами. Почтальона звали дядя Семен. На финской войне он был в обозе, где в одном из боев был ранен в ногу. В госпитале ему ампутировали ногу чуть выше колена, так как начиналась гангрена, приладили деревянный протез и подчистую комиссовали домой. Подойдя к массивной калитке, он рукой повернул кованное кольцо щеколды, нажал на калитку плечом, но она не поддавалась — видимо была закрыта изнутри. Тогда он громко постучал, предусмотрительно прихваченным с собой, кнутом. Тотчас из ограды раздался заливистый лай собаки и торопливые шаги. Скрипнул засов и калитку открыла молодая женщина без платка. Вопросительно в упор взглянув в лицо почтальона, она замерла, только глаза выдавали ее тревогу. Распахнувшаяся шубейка плохо прикрывала большой живот. Женщина была на «сносях».

Увидев побледневшее лицо женщины, почтальон успокоил ее: «Нюра, ты не пужайся, а то ненароком родишь тут. Жив, жив твой Дмитрий и даже письмо прислал». Он покопался в сумке и протянул письмо — солдатский треугольник женщине. Она облегченно вздохнула и тяжело привалилась к столбу ворот, ноги все еще отказывали повиноваться ей. Это была моя мать. Из избы выскочили

две девчушки: одна постарше, лет восьми, вторая трех лет. Это были мои сестренки Вера и Лида. Они радостно запрыгали и закричали: «Ура, от папы письмо пришло с фронта!» Мать виновато улыбнулась и сказала: «Дядя Семен, проходи в избу, обогрейся маленько, вон как подмораживает.» Но он улыбнулся в ответ: «Спасибо, но мне недосуг греться возле печки, надо еще в две деревни заехать» и помрачнел «Везу вот две похоронки». И, чтобы не омрачать сбагурил: «Да я и не мерзну, ноги то у меня деревянные, а дерево не мерзнет. Ну ладно бывайте, поеду, засветло надо вернуться домой, а то волков что-то развелось много. Сегодня ехал с почтой из района, дак бабы рассказывают, что в деревне Спасены волки залезли в хлев через старую крышу из соломы, загрызли корову. Жалко Ефросинью, как она без молока с пострелятами жить будут, ведь трое их у нее: один другого меньше, а тут еще и мужик ее сгинул, пал смертью храбрых. Добрый был мужик, царствие ему небесное. Ведь столько смертей перевидал на войне, а все равно не могу привыкнуть, когда бабы с ребенками ревут, а тут еще и корова. Наперед через Спасены ехал мимо их избы, не зашел. А сейчас все равно надо заезжать, никуда не денешься». Дядя Семен посмотрел на притихших Веру и Лиду, погладил их по головам и успокоил: «Ваш то папашка вернется живой, вот увидите». И почтальон, тяжело вздохнув, направился к саням. Завалившись боком на сено, дернул за вожжи и щелкнул кнутом. Лошаденка взяла с места «в карьер».

Мать вывел из оцепенения голос моей старшей сестренки Веры: «Мама, пойдём в избу холодно ведь» — она тянула ее за рукав. В избе, не раздеваясь, распечатали письмо. Мама громко читает прильнувшим с обеих сторон дочерям: «Здравствуйте, мои родные Нюра, старшенькая Вера и мой «подсолнушек» Лида (отец так звал ее за светлый цвет волос). Как вы там живете, сколько накопили картошки, хватит ли дров до весны топить печку? Есть ли мука? Нюра береги свое здоровье не подымай ничего тяжелого, нельзя ведь, тебе скоро рожать. Если родиться сын, которого я очень жду, назови Борисом.

В нескольких словах о своей фронтовой жизни. Бьем Гитлера «в хвост и в гриву» но правда иногда и нам достается. Полк, в котором я воюю доформировали и на днях отправляют на другое направление. Двадцатого наш состав будет стоять несколько часов в Котельничке. Если сможешь, приезжай, охота увидиться и обо всем поговорить. Передавай приветы моим сестрам Ульяне и Августе, а также всем деревенским. До свидания, крепко целую всех вас. Дмитрий.

Письмо прочитано и Лида сразу задает матери вопрос:

«Кто такой Гитлер, которого папа бьет? И почему папа к нам так долго не едет?» Мама улыбнулась и пообещала, что узнает про все при встрече с отцом.

Сборы в дорогу

По вечерам при свете керосиновой лампы мама шила вещевой мешок с ляжками. Известие о том, что мама едет повидаться с отцом облетело всю деревню. Первой зашла тетя Ульяна, сестра отца. Она стряхнула снег с валенок у порога и прошла к столу. Лида кинулась ей на встречу. Та подхватила ее на руки и пощекотала: «Ну как живете? Как животик?» Лида забрыкала ногами и завизжала: «Щекотно, щекотно». Тетя Ульяна отпустила ее на пол и потрепала рукой по льняным кудряшкам на голове. Мама подвинула стул. «Садись, Ульяна, вчера вот письмо от Дмитрия с фронта получили, на вот, почитай». Мама достала письмо из кармана фартука и протянула гостю. Тетя рассмеялась: «Эти сороки» — она показала на Лиду с Верой — «еще вчера мне сказали, что от папки письмо получили. Дак вот, Нюра, я и зашла узнать у тебя, когда мы поедем на свиданку к Дмитрию. Мне тоже охота повидаться с брательником. Да и не отпущу я тебя одну с таким брюхом, начнешь еще в дороге рожать».

Старшая сестренка Вера сидела за столом перед лампой и усердно выводила на газете буквы, она училась во втором классе в селе Колосово. Отодвинув газету, она подошла к матери:

«Мама, мама я тоже хочу к папе».

«И я и я» — затараторила младшенькая Лида.

«Нет, ребенки, куды мы вас возьмем в такую стужу?» — сказала тетя Ульяна. Поняв, что их не возьмут с собой, обе сестренки захныкали.

«Ну ка, хватит сопли распускать!» приструнила их мама

и обращаясь уже к Ульяне, сказала: «Ночью сегодня не спалось, дак решила ребенков отправить к маме на выходной, в Пчелинскую с почтальоном. А мы с тобой на этой же подводе с Семеном доедем до станции. Думаю, что он против не будет. Только бы бурану большого не было, а так тулупы оденем, не замерзнем. Только в субботу придется переночевать у Маруси в Ленинском, а в воскресенье утречком с Костромским доедем до Котельнича».

Неделя, кажется, тянулась целую вечность. И вот утром в субботу всем семейством на санях с почтой мама отправляется в дорогу. Стоит морозное тихое утро. Дядя Семен, подергав за вожжи, поспешает Чалого. Снег поскрипывает под копытами лошади и под полозьями саней. Мама завернула Лиду полами длинного тулупа, а тетя Ульяна пристроила так же Веру, а сверху еще прикрылась сеном.

И вот уже впереди в предрассветном тумане чернеет лес. В лесу тихо, дорогу здесь не перемело, как на поле. Вдруг из перелеска допелся голодный вой волков. Чалый испуганно заржал и рванул «в карьер». «Держись!» — крикнул дядя Семен и сани чуть не перевернулись в раскате. Семен пошарил рукой в сене и достал старый дробовик.

«Не бойсь, у меня для этих тварей свой гостинец. Стал возить ружьишко после того случая, когда училку из Чибриковской порвали эти зверюги». Дядя Семен пульнул из ружья, чалый опять рванул. То ли от выстрела заложило, то ли волки напугались, но вой прекратился. Лес кончился, началось поле. Впереди уже показалась деревня Ворзинское. Кое-где в окнах виднелся свет от ламп. Из труб кверху столбом поднимался дым. Захватив почту в деревне Княжей, повернули на дорогу к Пчелинской. Когда въехали в деревню Пчелинскую уже совсем рассвело. Изредка кое-где в крытых оградах лаiali собаки. На въезде в деревню стоят два больших дома-пятистенника, под одной крышей с сараями. В одном из них живет бабушка Харитонья, а во втором бабушка Анисья. Все вылезли из саней, разминая затекшие ноги. В ограде встретили бабушку Харитонью, она уже управлялась у скотины и шла с пустым ведром. В полутьме она не враз узнала, кто к ней пожаловал, пока Вера с Лидой не подхватили ее за руки.

«Бабушка, мы к тебе в гости приехали»-сообщила ей Лида.

«Да я все окошки просмотрела, ожидаючи вас, мои золотые,»-расчувствовалась бабушка. «Последний раз матка приезжала на Радоницу, а вас почитай с лета не видела. Пошли в избу, я хоть на вас посмотрю». В тепло натопленной избе на столе в углу, под образами, горела семилинейная лампа. В целях экономии керосина, фитиль был прикручен и лампа немного коптила. Бабушка добавила фитиля и сказала: «Давайте раздевайтесь, грейтесь, руки мойте вон из рукомойника, а я на стол соберу» И с этими словами она постелила на стол чистую скатерть, загремела заслонкой от русской печи.

«Третьёго дня я, Нюра, заколола поросенка- пудов поди на десять потянет. Да, ладно, садитесь за стол, соловья то баснями не кормят. Чугунку ливеру сварила». Бабушка длинным ухватом достала из загнеты большой чугуи и открыла крышку. По избе поплыл аппетитный запах мясного свежего наваpa. Бабушка разрежала каравай ржаного хлеба и налила всем по глиняной чашке дымящегося бульону с патрохами и по алюминиевой кружке молока. «Чё, Нюра» — поинтересовалась бабушка — «Дмитрий-то пишет ли с фронту?»

«Вот поэтому, мама, мы завезли девчонок к тебе. Считаю неделю назад было письмо от него, просит, чтобы я приехала в Котельнич на свиданку, их состав будет там стоять два часа 20 января, а потом отправят на передовую. Так Ульяна не отпустила меня одну, едет со мной».

«Хорошо, коли так решили, поезжайте, и в гостинцы заодно увезите кусок соленого сала с чесноком. Да от меня передайте привет и пускай себя бережет, под пули не лезет, а я молиться за него буду.» В избе воцарилась тишина, только стук ложек о глиняные чашки напоминал о завтраке. Сестренки поели и уже «клевали носом» за

столом. Бабушка отправила их досыпать на полати. Уже совсем рас-
свело и она задула лампу. Закончив с молоком дядя Семен смахнул
со стола рукой по-крестьянски крошки и отправил себе в рот. Встав,
перекрестился на образа и поблагодарил бабушку: «Спасибо, тебе
Харитонья Николаевна, за вкусный завтрак, а нам, он взглянул на
маму с тетей Ульяной, пора ехать»

Бабушка сходила в клеть за салом. На столе завернула большой
кусок соленого сала в льняное полотенце и сверху положила кара-
вай ржаного хлеба. «Вот, Нюра, подай Дмитрию гостинец от меня,
молока бы послала, да в дороге бутылка размерзнится все равно».

Мама сложила все в самодельный рюкзак и они стали одеваться.
«Ладно, мама, поехали мы, если все нормально, завтра с Ульяной к
вечеру должны вернуться».

Бабушка в дверях их перекрестила: «Ну, айдате с Богом!»

Трудный путь к долгожданной встрече

За селом Архангельским Семен пристроился к обозу с льнотря-
ской из колхоза Калинина. Они везли лен в Новотроицкое на льно-
завод. Солнце уже взошло высоко и все поле засверкало мириадами
огоньков, даже глазам стало больно. В Новотроицкое приехали к
обеду. Дядя Семен заехал на почту, а мама с Ульяной зашли в чай-
ную, немного согреться и выпить по чашке горячего чая. К вечеру
благополучно прибыли в Ленинское. На перекрестке у милиции
дядя Семен остановил лошадь. До Марусино дома тут «рукой по-
дать».

Дома у Маруси были все в сборе: ее муж, Павел Михайлович,
долго расспрашивал о житье-бытье в деревне. Спать легли уже за-
поздно. На другой день, простояв на станции у кассы большую оче-
редь, все же взяли два билета до Котельнича. С трудом втиснулись
в переполненный вагон. Паровоз дал натяжной свисток, рванул с
места переполненные вагоны и, набирая скорость, понес в тревож-
ную заснеженную даль. В вагоне, как в растревоженном улье со всех
сторон доносился людской гомон. Люди с вещмешками, корзинами,
котомками забили все проходы и тамбур вагона. Проводница, мо-
лодая ядреная баба, с трудом пробиваясь в служебку, орала истош-
ным голосом: «Куда прешь, как на буфет?» Она даже замахнулась
сигнальным флажком в чехле на подвыпившего мужика в черной
фуфайке, навалившегося на нее. А толпа все напирала и напирала.
Вдруг где-то недалеко заголосила старушка: «Ой, батюшки святы!
Украли! Украли!» Проводница стала пробираться к пострадавшей.
Поравнявшись, она сказала: «Ну, что сейчас убиваться-то — надо
было лучше смотреть за своими вещами». «Да никаких таких вещей
у меня не было, да и котомки извещивала бабка. Тут даже са-

мые сочувствующие пассажиры не могли сдержаться от смеха. Рядом стоящая с мамой и тетей Ульяной женщина в пуховой шали поделилась с ними своим горем: «Месяц назад вот также ехала в Котельнич, в давке разрезали сумку и вытащили талоны на хлеб и сто рублей. Обнаглела шпана совсем, никакой управы нет!»

На станции Свеча вагон немного освободился и мама с Ульяной сняли с плеч рюкзаки и пристроили их в угол на нижней полке, загородив их своим телом. Только к обеду поезд, с опозданием почти на час, прибыл в Котельнич. На всех полустанках поезд останавливали, пропускали «по зеленой улице» военные эшелоны с военной техникой на платформах. В этих же эшелонах, в теплушках ехали на фронт красноармейцы. Мама, с теткой Ульяной очень боялись, что не успеют на встречу с Дмитрием. Мама потом еще долго вспоминала, как произошла встреча.

«В Котельниках наш поезд поставили на третий станционный путь. Вагон, поскрипывая тормозами, еще катился. А мы уже с Ульяной стоим перед открытыми дверями, готовые спрыгнуть. меня уже бьет мелкой дрожью, не так от холода, как от тревоги. Краем глаза смотрю на Ульяну, и она в таком же состоянии.

На втором пути стоит армейский эшелон. В нем несколько вагонов с красным крестом. Я с надеждой всматриваюсь в лица красноармейцев. И, наконец — то, о боже! Метрах в сорока от нас я вижу бегущего Дмитрия. На нем белый офицерский полушубок с ремнем и пистолетом на боку.

«Митя!» — крикнула я и бросилась ему навстречу. Не помню сколько я пробежала, но силы оставили меня. И я бы, наверное, рухнула на перрон, но Митины сильные руки подхватили меня. Я уткнулась в его воротник и разревелась.

«Мы уже с Ульяной не верили, что увидим тебя».

«Ну что ты, Анюта, родная моя, успокойся, ведь вот он я, живой и невредимый. Правда ранение небольшое было: фрик на варево вырвал из ягодицы небольшой кусок. Но я с ним сполна рассчитался. Взял у него трофей — ложку. Она ему теперь все равно не нужна». Митя снял из-за плеча вещевой мешок и развязал его.

«Гостинцев дорогих у меня для вас нет. Но возьмите хотя бы пару банок тушенки, да вот этот трофей, ложку».

«Мама выслала тебе тоже гостинец, кусок сала»

«Передай мамаше большое спасибо, пусть долго живет и не болеет. Что нового у вас там в деревне?»

«Ты, Митя, не беспокойся и не переживай за нас, мы с ребятами не голодаем. Мама каждую неделю высылает нам ржаных лепешек с почтальоном дядей Семеном, кстати, он шлет тебе привет и все деревенские тоже. Они интересуются: как дела у вас там на фронте? И когда вы этих проклятых фашистов разобьете?»

«Пока дела на фронте неважные, Воевал я на финской, но таких потерь не было. Не готовы мы были к войне, вот и результат. Уже миллион погибших. Я уже такого горя и разрухи рассмотрел, что не приведи Господь! Фрицы оставляют после себя выжженную территорию и трупы.

От нашей стрелковой дивизии осталось только несколько десятков солдат. Разбита военная техника. Мы отступаем, но фрицев тоже бьем «в хвост и гриву» Нашу вновь сформированную дивизию сейчас отправляют на Ленинградский фронт. Там за Ленинград и Москву будем стоять на смерть.

По моему мнению война еще нескоро кончится, но победа все равно будет за нами. Слишком много уже эти ублюдки наделали горя на нашей земле, они не должны жить!»

«Митя, у нас скоро родиться ребенок, береги себя!» — заплакала я. Он обнял меня и стал успокаивать:

«Анюта, я очень рад и спокоен. Если родится сын, а я этого хочу и уверен на все сто процентов, назови его Борисом. Поцелуй за меня дочерей!»

Раздался протяжный свисток паровоза

«Ну вот и все, родные мои, повидались!» Состав медленно начал набирать ход.

«Митя, ты отстанешь от поезда!» — заволновалась я, а в душе никак не хотела его отпускать. Чувствовала что — ли, что это наша последняя встреча, что больше никогда не увижу его. Он на прощание расцеловал нас с Ульяной и побежал догонять свою теплушку. Догнал, ловко взобрался на платформу и еще долго махал нам, пока состав, мигнув сигнальными фонарями на заднем вагоне, не исчез за горизонтом.

Молча, опустошенные, мы с Ульяной побрели к вокзалу. В кассе нам сказали, что на сегодня поезд Киров — Кострома отменен. Нам пришлось добираться обратно домой на товарняке, договорившись с машинистом. На станции Шабалино машинист чуть-чуть притормозил перед светофором и нам пришлось прыгать на ходу. Первой прыгнула Ульяна. Я выбросила ей рюкзак и, перекрестившись прыгнула в темноту. Меня два раза перевернуло через голову. Я чуть не врезалась в станционный столбик. Мы долго еще сидели в сугробе и хохотали, как дуры. Домой добратись только на второй день.

Родные пенаты

Война, гибель отца

Родился я в лесной глубинке, в деревне «Малые Вороны» Коловского сельского совета Шабалинского района Кировской области, второго февраля тысяча девятьсот сорок второго года. Хотя в свидетельстве о рождении, а в дальнейшем и в паспорте значится дата рождения десятого февраля тысяча девятьсот сорок второго года. Говорят, что стояли трескучие морозы и в ЗАГСе старый глуховатый инспектор перепутал дату рождения и ошибку обнаружили только дома. Обратно по лютому морозу и бездорожью исправлять ошибку мать не поехала. Так эта ошибочная дата осталась у меня в документах на всю жизнь. До сих пор я отмечаю свой день рождения второго февраля.

Родился я в семье, где были ещё две сестры. Старшая Вера с тысяча девятьсот тридцать третьего года рождения и средняя Лида с тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Естественно самый ранний период детства не запечатлелся в моей детской памяти. По словам сестрёнок, которых мама заставляла нянчиться со мной, у меня была большая голова. Родственники по этому поводу шутили, что из меня вырастет гений или большой начальник. Моя мать, Косолапова Анна Ивановна, с тысяча девятьсот четырнадцатого года рождения. Отец, Косолапов Дмитрий Семёнович, с тысяча девятьсот восьмого года рождения. До Великой Отечественной войны моя семья жила в городе Березняки Пермской области. Вместе с ними жили сыновья моей бабушки Харитины Николаевны, Василий и Николай. В июне

тысяча девятьсот сорок первого года началась Великая Отечественная война. Мой отец и дядя уходят добровольцами на фронт. Через четыре месяца после моего рождения в мае тысяча девятьсот сорок второго года, после тяжелейших боёв на Ленинградском направлении вблизи станции Мясной бор Новгородского района Ленинградской области, одиннадцатого июня погиб мой отец Косолапов Дмитрий Семёнович. Он так и не увидел меня, своего сына, о котором так мечтал. В своём последнем письме он писал нашей маме: «Дорогая Анюта, я очень соскучился по всем вам. Спасибо за сына. Назвали Борисом, как я и хотел. Как бы мне хотелось хоть бы через плёночку посмотреть на сынулю, мою кровиночку. На рассвете идём в бой. Но что бы со мной ни случилось, я спокоен. Знаю, что у меня растёт сын, продолжатель нашего рода. Береги его. Всех вас обнимаю и крепко целую. Дмитрий.» Дата десятого июня тысяча девятьсот сорок второго года. А одиннадцатого июня в тяжелейшем бою за высоту, смертью храбрых погиб наш отец, от осколочного ранения в голову. От миномётной батареи, которой командовал отец, пока подошло подкрепление, осталось в живых три бойца. Бойцы ценой своей жизни отстояли плацдарм. Остановили фашистов, рвущихся к Калининграду.

Проводив мужа на фронт, наша мать с семьёй переезжает из города Березняки на родину, в деревню Малые Вороны, Кировской области, где жили сёстры нашего отца, Ульяна и Августа. Мама была очень красивой женщиной. В свои двадцать восемь лет она, конечно, очень отличалась от деревенских женщин модной городской одеждой и манерами. Но, приехав в деревню, быстро освоилась с деревенским бытом. Вступила в колхоз и работала наравне со всеми. Косила, вязала снопы, сеяла, возила дрова. Все эти работы были ей не в новинку. До замужества она жила у своей матери Харитины Николаевны — нашей бабушки, в деревне Пчелинская, в восьми километрах от деревни Малые Вороны. Яслей и садилов в то время в деревне не было. Я в младенческом возрасте был предоставлен на попечение сестёр. Старшей Вере было десять лет, а Лиде пять лет. Они по очереди качали меня в люльке. Люлька — это такая колыбель типа корзины, сплетённой из лыка липы, привязанной к сырому берёзовому хлысту и укреплённой к потолку. Чтобы я не очень орал, сестрёнки придумывали разные методы моего воспитания. Строили страшные рожицы, от чего я ещё больше плакал. Им казалось, что я проголодался и хочу есть. Недолго думая, они натыкали мне полный рот чёрного ржаного хлеба. Если бы мама вовремя не пришла, неизвестно, чем бы всё это кончилось. Скорее всего, автора этих строк ухайдакали бы ещё в младенчестве.

Гибель отца мама перенесла очень тяжело. Тогда в редком доме не оплакивали погибших: мужа, отца, брата. Эта участь не обошла

и нашу бабушку. Сначала пришла похоронка на её старшего сына Николая. А младший Василий с боями дошёл до Берлина. И в сорок пятом он возвращался домой. Но их состав бандеровцы спустили под откос на границе Польши и Украины. Официальной похоронки на него так и не было. О гибели Василия рассказал чудом оставшийся в живых однополчанин. По словам сестёр, обычно всегда задорная и весёлая, мама вдруг вся сникла, началась тяжелейшая депрессия. Она замкнулась и ни с кем не хотела разговаривать. Папины сёстры не оставляли её одну, следили, чтобы она не наложила на себя руки. Вызвали из района врача, но прописанные лекарства не помогали. Врач посоветовал маме начать курить, чтобы хоть как-то снять напряжение.

В сорок четвёртом году мать перевозит нас из деревни Малые Вороны в деревню Пчелинскую, к бабушке. Она устраивается работать в районном посёлке Ленинское заведующей столовой при педагогическом училище. Деревня Пчелинская основана предками моего деда Ивана в лесистой местности, в трёх километрах от села Архангельского. Название деревни полностью соответствует действительности. Здесь сыздавна почти каждый хозяин держал пчёл. Вдали от городов, в полях там цвела гречиха и клевер, а на заливных лугах разноцветье и разнотравье. Труженицы — пчёлы на целый год обеспечивали население душистым и целебным мёдом. Раньше наши предки торговали лесом, пушниной, мёдом и дёгтем из бересты. Имели свои смолокурни. Деревня Пчелинская стоит в развилке двух рек, Малого и Большого Нюрюга. В реках изобиловала рыба: язь, линь, сорога, щука, окунь, елец, пескарь, налим, ёрш, вьюн. В прибрежных кустах и камышах было полно уток и гусей.

Я рос непоседливым ползуном. Эта непоседливость и любопытство чуть не стоили мне жизни. На середине (кухне) на полу, возле русской печи кипел ключом двухведёрный паровой самовар. В доме кроме меня никого не было. Сестрёнки убежали играть к подружкам. Бабушка, взяв ведра, вышла к колодцу по воду. Я подполз к самовару и открыл блестящий краник, после чего сунул ручонки под струю кипятка. Заревев от боли, дёрнул ногами и перевернул самовар на себя. В это самое время в избу вбежала бабушка. Она бросила ведра, но было уже поздно, кожа на моих руках, ногах и спине превратилась в сплошной пузырь. Вызвали из района доктора. Он однозначно сказал, что я уже не жилец на этом свете. Спасла меня эвакуированная из блокадного Ленинграда игуменья Вера Платоновна, которую моя бабушка Харитонья пустила к себе на жительство. Это была умная и высокообразованная женщина. Она привезла с собой целый чемодан книг: по богословию, по медицине, по народному целительству. По кулинарии книги были написаны ещё на старославянском языке. Слух о её целительстве быстро разнёсся по всей

округе. Она лечила травами, мазями, делала составы, которые сама и приготавливала. Она никому не отказывала, зачастую излечивала даром. Мои ожоги она лечила составом из медвежьего и барсучьего сала и ещё каких-то трав. В течение года я был на грани жизни и смерти и перенёс много страданий. Но постепенно на месте ожогов начала образовываться новая кожа. Веру Платоновну на миру никто не называл по имени и отчеству. Как и положено священнице её называли матушкой. Она меня очень любила, и я отвечал ей тем же. Каждое утро притаскивал ей с русской печи тёплые сухие валенки. С её слов усердно учил молитвы и, стоя на коленочках, пел их. В доме у бабушки частыми гостями были монашки и нищие обездоленные люди. Бабушка Харитонья для всех находила приветливое слово и давала совет, кому это требовалось. Обязательно угощала всех редькой с квасом. Такого вкусного кваса не было во всей деревне. Так как церковь в ближайшем селе Архангельское была закрыта ещё в тридцатые годы, матушка проводила службу у нас в доме. Действующая церковь была ещё в селе Никольском, но до него было не близко, около пятнадцати километров. Старинный женский монастырь, находящийся в шести километрах от нас, так же был закрыт в те же годы. Монашки тайно по ночам приносили иконы и церковные книги на сохранение. Некоторые старинные иконы были в рост человека с окладами. Всё это на свой страх и риск хранила в тёмной кладовой бабушка Харитонья. Позднее в тысяча девятьсот сорок восьмом году, когда наша семья собиралась переезжать в районный центр Ленинское, иконы и книги монашки спрятали в другом месте. Мама забрала с собой сестёр Веру и Лиду, так как бабушка отказалась ехать из деревни. Я остался жить с бабушкой вдвоём. Матушка Вера Платоновна умерла в сорок шестом году, ей было семьдесят два года.

В нашем дворе под одной оградой с нами стоял такой — же дом, как и наш, пятистенник на две половины. В нём жила бабушка Анисья, сродная сестра нашей бабушки. Она держала небольшую пасеку пчёл из двенадцати ульев. В первой половине дома она жила сама, её навещали внуки из района. Здесь в свободное от работы время она шила одеяла на заказ. Во второй половине дома стояла медогонка — это такая большая бочка, в которую вставлялись сотовые рамки. Бочка приводилась в движение с помощью ручки, и мёд вследствие инерционных сил стекал из рамок через кран прямо в эмалированное ведро. Иногда мне доверяли покрутить ручку. Бабушка «медовая», так мы её называли, приглашала нас к себе и угощала свежим душистым мёдом. Когда-то эта усадьба из двух пятистенников и множества надворных построек принадлежала священнику из Архангельской церкви. Когда церковь закрывали, священник продал усадьбу бабушке Харитонье и бабушке Анисье.

Они скинулись между собой. Нашей бабушке отошёл огород в семьдесят пять соток, а бабушке Анисье огород в двадцать пять соток. Дома были построены ещё по старинке добротными, срубленные топором и построенные без единого гвоздя. Усадьба стояла на окраине при въезде в деревню.

Гости

Просыпаюсь от яркого солнечного луча, пробравшегося через неплотно занавешенную штору. Жмурюсь, но вставать неохота, и я отворачиваюсь к стенке. Слышу, как во дворе горланит наш петух. Ему вторит петух бабушки Анисьи. У них старые счёты между собой. С утра они мирно перекликались через забор, но вскоре обстановка накалялась с невероятной быстротой. Дело в том, что они никак не могли поделить свои «гаремы». Стоит нашей легкомысленной пеструшке поддасться на призывные уговоры соседского «ловеласа» и перебраться на сопредельную территорию, как начинаются ревность и разборки. Наш петух весь взъерошенный мигом перелетал забор и тут же учинял расправу. Доставалось молодому неудачливому ловеласу. Перья летели во все стороны. А заодно достаётся и пеструшке за неверность. Молодой сосед пускается наутёк и на этом разборки заканчиваются. Наш Петька в роли победителя проорал ещё немного для острастки и куража. А когда пеструшка водворяется на свою территорию, петухи успокаиваются, как ни в чём, ни бывало.

Напротив моей койки стоит большая металлическая кровать с блестящими шариками на спинках, на которой спят мои сестрёнки, Вера и Лида. На кухне орудует бабушка Харитонья, она уже готовит завтрак. Слышно, как громко шипит масло на сковороде, когда она наливает тесто. На завтрак будут колобы. По избе разливается аппетитный запах от выпечки. Я быстро натягиваю сандалики и заглядываю на середину. Бабушка ловко орудует сковородником, вытаскивает из русской печи скворчашую сковороду. Снимает румяные колобы и складывает на разнос. На нём уже лежит горка колобков. Рядом на столе стоит полная кастрюля сваренных всмятку яиц. Я вспомнил, что вчера вечером к нам приехали гости из Крутенского. Приехала мамина двоюродная сестра тётя Фаина со своей дочкой Люсей. А ещё тётя Ульяна и тётя Августа из деревни Малые Вороны. Гостям с вечера бабушка постелила на повети (сеновале). Там мы обычно спим летом.

— Ну что, проснулся, дитяtko? — бабушка вытерла руки о полотенце и погладила меня по голове. Поправив на голове платок, она сказала — Боря, сбегай на повесть, разбуди гостей-то, хватит им спать, солнышко уже встало. Пусть умываются и идут завтракать.

Да ты им ещё покажи, где у нас рукомойник в огороде. Да на, вот, напями чистое полотенце. Повесь его на гвоздь возле рукомойника. — Бабушка подаёт мне свёрнутое вдвое полотенце. На нём по краям вышиты красные петухи.

Я ныскакиваю в ограду, а там во всю кипит жизнь. На высоком крылечке сидит напиа копка Камка с котятами. Два пушистых комочка, один чёрненький, другой беленький. Они на меня не обращают никакого внимания, так как устались на курицу парунью с цыплятами. Цыплята, смешно подражая, матери, скребли лапами в куче мякины. Рядом ворковали и разгуливали голубь с голубкой. А под старой крышей было три гнезда, из которых доносился писк птенцов. Писк усиливался, когда родители приносили им комаров или червячка. Надворные постройки располагались таким образом, что, спустившись с крылечка, проходишь по деревянному тротуару возле амбара. В нём в ларях хранилось зерно, рожь, пшеница, овёс. В правом свободном углу стоят два ручных жёрнова, один большой второй поменьше. Хотя в напей деревне Пчелинская есть своя ветряная мельница, но жернова есть у многих. За амбаром стоит большой глубокий колодец, с высоким журавлём выше крыши. За колодцем была кладовая, где хранился весь сельскохозяйственный инвентарь: борона, плуг, лопаты, косы, грабли. А ещё там хранились оставшиеся от деда заячьи силки, капканы на лис и волков и очень тяжёлый, с большими острыми зубцами, капкан на медведя. Я его даже не мог подвинуть. Следующим шёл коровник на два отделения. В первом жила напиа кормилица, корова Милка костромской породы. Я понял, что бабушка подоила её и отправила на выгон вместе с бычком Жуликом, который занимал второе отделение конюшни. Над коровником был построен большой сеновал. Весь зимний запас сена вмещался там. Мы, ребята, пробирались с вышки избы, по амбару. Над колодцем были переброшены две половые доски, по ним мы попадали на сарай и на сеновал. Здесь для нас был «парк» развлечений. Строили убежища, копали в сене норы, как с горок катались вниз с увалов запашистого сена. Бабушка порой ворчала: «Вы, пострелыцы, изомнёте всё сено в труху, нечем будет корову кормить. » Поэтому свои игры на сеновале мы переносили, когда бабушка уходила в село, в магазин за продуктами. Поднявшись по лестнице на сеновал, я в нерешительности остановился. Гости спали на разваленном свежескопленном сене, укрывшись байковыми одеялами. Дело в том, что я от рождения был очень застенчивый, а тут ещё надо было будить незнакомых людей. И как это, «будить», я не имел ни малейшего представления. Но бабушку послушаться я тоже не мог. И, набравшись смелости, начал толкать их по очереди в животы кулачком и бормотать:

– Вставайте, колобы есть. Вставайте, колобы есть.

Но гости никак не хотели пробуждаться. На сеновале ещё стоял полумрак. Обидевшись, я слез с сеновала и направился, было, сказать бабушке, что гости не встают. Но в ограде увидел сестрёнку Лиду, она на четыре года старше меня. Я хотел передать ей бабушкино поручение, но она наотрез отказалась:

– Видишь ведь, что я кормлю цыплят творогом.

Я рассказал ей о неудавшейся попытке разбудить гостей. Она, конечно с видом знатока просмеяла меня:

– Эх ты, да кто ж так гостей будит! — и пошутила — возьми в сенках чайник и полей на гостей холодной водичкой. Сразу все соскочат.

Я, конечно, принял её слова за «чистую монету» и исполнил всё так, как мне посоветовала Лида. Сдёрнув одеяла со спящих, я начал поливать гостей. Что тут началось! Визг, хохот. Младшая гостья Люся была немного постарше меня, с перепугу заревела. Я кубарем скатился по лестнице и пустился в избу. В дверях чуть не спшиб бабушку, она сама пошла, поднимать гостей:

– Ну что ты, дитятко, так долго не ведёшь гостей, все колобы уже остыли.

Я без утайки рассказал, как я по совету Лиды будит гостей. Бабушка, конечно, пожурила меня, что так делать нельзя.

– А этой подлянке передай, что я ей все косы повыдергаю за такие советы.

Лида поняла, что переборщила с советом и под «горячую» бабушкину руку пока что решила не попадаться. А гости, тем временем отряхиваясь и вытираясь оброненным мною полотенцем, заходили уже в избу.

– Доброе утро Харитонья Николаевна! — поприветствовали они бабушку.

Они видно решили не конфузить меня за утренний душ, и Люсина мама спросила бабушку:

– А что, Харитонья Николаевна, похоже, перед утром дождь сильный прошёл, а крыша наверно прохудилась? Что-то мы проснулись все мокрые. — Она засмеялась и погрозила мне пальцем.

Я со страху забрался на русскую печь, и ни за какие уговоры не согласился оттуда слезть. Из-за занавески я наблюдал за гостями. Бабушка всех рассадил по двум широким лавкам вокруг стола, на котором около каждого гостя стояло по глиняной чашке с растопленным маслом. В центре стола стояла кастрюля со сваренными всмятку яйцами. Бабушка всех радушно угощает:

– Бейте, гости дорогие, яйца в масло! — Гости с аппетитом принимают за еду.

Яйцо всмятку с маслом это наше любимое вятское блюдо и угощение. Все так же макали колобами в мёд и землянику со сливками.

ми. Гости уже наелись, а бабушка всё угощала их. Сама била яйца и поблаживала им. В это время в избу вошла без стука наша родня и соседка бабушка Анисья с моей старшей сестрой Верой. А за ними, виновато глядя на бабушку, проскользнула Лида. Бабушка погрозила ей пальцем. Они сели по приглашению бабушки с краю стола и тоже стали есть. А я сидел на печи за занавеской и глотал слюнки. Но вот, наконец, гости, наевшись, поблагодарили бабушку за вкусный завтрак и, перекрестившись на иконы в переднем углу, стали выходить из-за стола. Все пошли с бабушкой Анисьей в огород, посмотреть, как и что растёт на грядках. Лида, взяв с собой Люсю, убежали играть к соседской девочке Шуре. Тут уже я не вытерпел и спеш с печи. Наелся до отвала и поблагодарил бабушку, а так же перекрестился и сказал спасибо Боженьке за сытный завтрак. Отпросился у бабушки погулять, онапустила, и я стремглав вылетел из избы. В ограде взял обруч от бочонка, проволоку, загнутую на конце скобкой. Этой проволокой мы погоняли обруч и носились по улице.

Деревня Пчелинская

Небольшая деревенька из шестидесяти домов. Две улицы располагались вдоль главной дороги, идущей из села в деревню Чибриковскую и Кисели. А две улицы покороче пересекали деревню в поперечном направлении. И не было здесь в то время ни названий улиц, ни номеров домов. Все друг друга хорошо знали не только в лицо, но и родословную друг у друга до десятого колена. Жили одной большой семьёй. Кто заболел, умер, хоронили всей деревней. К кому гости приехали, нести продукты: мёд, творог, яйца. По достатку все жили практически одинаково, за исключением семей, в которых мужики вернулись с войны. У них и дома были подремонтированы и скотины было побольше. Но таких семей было единицы. Возвращались с фронта израненные, калеки. Но и им все были рады. Некому было делать телеги, сани, грабли, шить упряжь.

На окраине деревни, где стоял бабушкин дом, слева метрах в ста, стояла старая кузница. А ещё чуть левее был построен овин, в котором в сырые лета хранили снопы льна, ржи. Рядом ещё была маслобойня. Из семян льна выдавливали первоклассное льняное масло. Но в наше время маслобойня уже не работала. Льняное сырьё увозили на лошадках в район, на переработку. На маслобойне и в овине мы играли в прятки и в войнушку. Маслобойка работала за счёт конского привода. Передача шла через малые и большие конические шестерёнки, смазанные солидолом и дёгтем. Мы вручную крутили этот привод. А потом мы боялись возвращаться домой, потому что были как черти вывоженные в солидоле с ног до головы. Конечно, получали взбучку за испачканную одежду и рожицу. И

нас потом подолгу драили в бане с хозяйственным мылом и песком, чтобы привести в божеский вид.

В четырёх километрах от нашей деревни располагалось село Архангельское, центр нашей цивилизации. Там работали два магазина продуктовый и промтоварный. Две школы: начальная, в центре села в двухэтажном здании и десятилетка, за рекой на хуторе. Клуб, в котором показывали фильмы, привезённые из района. Летом кинопередвижка работала ещё сносно, а вот зимой в морозы движок упорно не хотел заводиться, и парни до мозолей на руках крутили ручку движка, пытаясь помочь сельскому киномеханику Вите Галышеву. Электричество в селе появилось лишь в тысяча девятьсот пятидесятом году. Кинопередвижка обслуживала ещё несколько близлежащих деревень. В нашей деревне Пчелинской фильмы показывали у нас в доме, чем мы неимоверно гордились и смотрели глухонемые фильмы на правах хозяев бесплатно. Смотреть фильм приходили со своими табуретками, дом вмещал всех желающих. Бабушка запретила мужикам чадить махорку. Первые фильмы, которые мне запомнились это «Броненосец Потёмкин», «Хлеб наш насущный», «Чапаев», «Семеро смелых». В селе прямо напротив старой неработающей церкви стояла чайная. Здесь мужики могли позволить себе на двоих — троих «раздавить» бутылочку «Московской особой», а в привесок выпендить по две — три кружки пива. В селе была своя заготконтора. Летом мы, пацаны, сдавали сюда грибы ведрами. Подберёзовики, красные грибы, волнушки второй категории принимали дёшево. А белые грибы и рыжики принимали с удовольствием и подороже. Но всё равно весь приработок составлял два — три рубля. Весной по пойме реки драли ивовую кору, сушили на летнем солнышке, а потом сдавали на сырьевой склад. Везли кто на чём, кто на тележке, а кто на большой телеге — те, кто постарше. Денег у родителей не было. И чтобы не клянчить рублёвку на интересную кинокартину, мы зарабатывали эти деньги сами. По дороге идущей возле нашего дома и кузницы, через реку Малый Нюрюг, можно было попасть в деревню Княжую, а дорога идущая прямо вела в деревню Ворзинская. На противоположном выезде из деревни стояла ветряная мельница, на которой мололи зерно на муку. Сюда приезжали со всей округи. Мельником работал высокий сухощавый мужик Никон Павлович. По состоянию здоровья он не был на фронте, его без конца мучила грыжа. Скорее всего, он здесь её и получил, так как работа мельника была не из лёгких. Нужно было правильно развернуть мельницу к ветру, отрегулировать жернова, решёта и грохота так, чтобы получить муку наилучшего качества. Ему уже было за пятьдесят лет. Интересно было наблюдать, как он из ладони в ладонь только что перемолотую муку. Щепотку муки бросал в рот, жевал и что-то не-

лишнее ворчал себе под нос и снова принимался за регулировку. Когда подвод с зерном скапливалось много, он брал себе в помощники двух — трёх человек. Мешки с зерном и мукой он не таскал, а только командовал, куда высыпать. Конечно, мельником он был от бога. Он чувствовал мельницу, как живой организм. Когда грыжа у него разорвалась, и он умер, мельница как будто осиротела. Стояла и не работала целый год. Потом на мельнице работали разные приезжие горе-специалисты, но больше года не задерживались. Никто просто спивался, и по пьянке халатно относился к своим обязанностям. То забудут поставить ветряк на тормоз и сильным порывом срывает крылья, то начнут приворовывать муку и председатель колхоза выгонял их прочь. От мельницы дорога вела в деревню Чибриковскую и деревню Кисели. За бабушкиной усадьбой была колхозная ферма. В военные и послевоенные годы ко всем тяготам жизни добавился мор скота. Сибирская язва косила без разбора, как колхозный скот, так и единственную кормилицу корову частного подворья. На ферме было пол сотни коров и с десятка выбракованных лошадей, которых не отправили на фронт. Зимы были лютые и многоснежные. Снегом заметало дома до крыш. На лошадей невозможно было съездить в лес по дрова или за сеном. Поэтому основной тяговой силой в те годы в деревне были быки, завезённые с Алтая ещё до войны. Вот здесь бык был незаменим. Он медленно, но верно прокладывал себе путь по целине, утопая в снегу чуть не по уши. Артелью плотников была построена новая свиноферма и конюшня для овец. Бабушка Харитонья с раннего утра до позднего вечера работала на ферме, и мы с сестрёнкой Лидой были предоставлены сами себе. Бабушка заставляла сестрёнку присматривать за мной как за самым младшим. И строго наказывала за недосмотр. Конечно, в их девчоночьей компании я им мешал и был обузой. Она придумывала всякие предлоги, чтобы улизнуть от меня купаться на реку. Мы играем в ограде в городки. В это время пришли соседские девчонки, Лидины подружки Шура и Люба. Они о чём-то пошептались. Лида отвела меня к цыплятам, мирно сновавшим у забора. Они с нетерпением ждали, когда мать пеструшка отыщет им земляного червячка. Я расхохотался, глядя как два самых шустрых петушка схватили червяка каждый за свой конец, и крепко упершись ножками, тянули каждый к себе. Никто не хотел уступать. К спорщикам подбежал третий цыпленок, он был покрупнее их. Он схватил червяка посередине и убежал с ним в укромный уголок, где и пообедал им.

— Боря — начала вкрадчиво Лида — Ты уж посторожи немного цыплят, видишь какие они хорошенькие. Да смотри, чтобы их вороны не растаскали.

— Ладно — пообещал я.

– Вон они летят, ну ко, пересчитай их! — схитрила сестрёнка.

Я уставился на небо, там действительно летело несколько ворон. Когда я досчитал до шести и повернулся, Лиды и девчонок след простыл, только звякнула щеколда на воротах. Поревев немного от обиды, что сестрёнка опять обманула меня и не взяла с собой на реку купаться, я достал из кармана ножик и стал им выстругивать палку — делать из неё саблю. Закончив начал ожесточённо лупить крапиву в углу огорода.

– Получай, фашисты! — издавал я воинственный клич, врубаясь в самую гущу крапивы.

Вечером, когда бабушка вернулась с фермы, меня начало лихорадить. Покрасневшая кожа пылала огнём. Помимо ожогов от крапивы меня ещё распекло на солнышке, потому что целый день бегал без панамки. Лиде, конечно, досталось от бабушки. А меня она намазала кислой сметаной, к голове привязала холодный компресс и уложила в постель. Через два дня с меня начала слезать лоскутками кожа. А на третий день просыпаюсь и вижу, как солнечный зайчик прыгает по стенам. Я понял, что это опять Пашка, Лидин одноклассник из соседнего дома залез на крышу, и вызывает её на улицу. А зайчик был их условным сигналом. Пашка всячески пытался обратить Лидино внимание на себя. То зеркальце ей подарит, то красивую ленточку.

Моей старшей сестрёнке Вере уже было четырнадцать лет, и когда она приезжала от мамы погостить к бабушке, бабушка иногда отпускала её на танцы. На неё заглядывался соседский парнишка Серёжка. Он провожал её с вечера. Обидевшись за что-нибудь на сестрёнку, я поддразнивал их и пел им назло:

– Жених и невеста из сдобного теста. По полу катались, крепко целовались.

За это получал подзатыльники и бежал жаловаться к бабушке:

– Бабушка, Бабушка, а Вейка с Сеёжкой дьёится, а Лидка с Пашкой.

Пашкиного отца звали Пётр Иванович, а в деревне его сокращённо все звали Петрован. Он был плотного телосложения, с замкнутым молчаливым характером. Из всех жителей деревни он единственный не вступил в колхоз. Он жил своим ремеслом. Был хорошим кузнецом. В его доме стояла кузница с горном и с мехами. Он был отличным жестянщиком, сам делал вёдра и умывальники, лудил и паял прохудившуюся посуду. Заказы поступали со всей округи. За работу брал как деньгами, так и натуральными продуктами, сметаной, творогом, мясом, мукой. Иногда Петрован, когда был в хорошем настроении, разрешал нам покачать меха, но с условием, что мы не будем шуметь и мешать ему. Он вынимал из горна длинными щипцами добела раскалённую железяку, ложил её на тяжёлую наковальню и нещадно лупил по ней кувал-

лесной. Ему заказывали отковать щеколды, ломики, каёлки, навесы. Иногда его просили для колхоза поработать в посевную или в уборочную. Надо было отковать сломанные лемеха у плугов и сломанные зубья у борон. Для вида он долго ломался, но каждый раз соглашался поработать за муку и мясо. Тогда он брал в колхозную кузницу подсобником своего сына Пашку. Он был не по годам крепким и здоровым парнишкой. И они с отцом за полторы недели справлялись со всеми заказами. В колхозе был свой кузнец, но он чаще всего «закладывал за воротник» в самое неподходящее время. В зимнее время Петровану жители деревни заказывали жестяные лопки под топки. Полной противоположностью ему была его жена Татьяна. За глаза её все называли матаня. Это была худощавая шустрая рыжеволосая сорока шестилетняя женщина. Работы по дому ей хватало, так как кроме сына Пашки было ещё две дочери. Она тоже за продукты помогала деревенским вдовам убрать урожай. Про неё даже шуточную частушку составили на мотив «цыплёнок жареный»: «Моя матаня рыжая, четыре поля выжала. Сноптики поставила, себе зерна оставила. Поймали, арестовали, велели паспорт прокатать. Паспорта нету, садись в карету. Кареты нету, садись в тюрьму». В деревне тогда паспорта на руки не выдавали. Получали паспорт только тогда, когда выезжали в район или в город на новое место жительства. Не смотря на то, что Петрован выручал колхоз в трудные моменты, всё равно правление относилось к нему и его семье предвзято. Единоличников не жаловали тогда. Ему не давали лошадь или быка, чтобы вывезти дрова и сено. Поэтому зимой они разбирали, пристрой своего дома на топливо и этим отапливались. А летом носили из леса брёвна и отстраивали то, что испортили за зиму. Петрован знал своё шаткое положение и особенно не возмущался. В то время запросто могли посадить в тюрьму или отправить на исправительные работы на лесоповал. В порядке исключения из единоличников мастеровых создавались артели демократов, плотников, землекопов, швей. Артельщики, определённые налоги, конечно, платили государству. Когда бабушка ушла по возрасту и состоянию здоровья с фермы, ей правление колхоза поручило кормить тракторную бригаду и артельщиков. Правление выделяло для этих целей хлеб, мясо, молоко. Артель из четырёх человек строила свинарник. Двое артельщиков квартировали у нас. Одного высокого и крепкого телосложения мужчину тридцати лет звали Николаем. Это был весёлый общительный с множеством шуток и прибауток балагур. Второго молчаливого худощавого бывшего монаха с рыжей косой звали Дорофеем. Они были полной противоположностью друг другу. Одно объединяло их, они были первоклассными плотниками. Со стороны мы часами наблюдали за тем, как слажено у них спорится работа. Вечером они приходи-

ли с работы и вместе мылись в бане. Николай часто подшучивал над Дорофеем. То за косу дёрнет, то окатит холодной водой из ведра. Тот выскакивал из бани с визгом и криками:

– Изydi, Сатана!

Дорофей был лет на десять старше Николая и на его шутки особо не обижался. После бани они садились за стол. Бабушка наливали им по большому блюду наваристого горохового супа, нарезала ржаного с хрустящей корочкой хлеба домашней выпечки. На второе была тушёная картошка с мясом. Всё это запивалось ковшиком ядрёного холодного кваса. Мы с Лидой притаились и наблюдаем за ними с полатей. Дорофей ест быстро, часто-часто работая челюстями. Не успев ещё Николай доест большую глиняную чашку супа, он ел неспеша, тщательно пережёвывая пищу.

– Какой же ты вкусный суп варишь, Харитонья Николаевна. — Похвалил он бабушку.

А Дорофей уже закончил ужин и, сбросив у порога лапти, кряхтя полез на русскую печь. Минут через пять раздался громкий храп, а в перерыве как пулёмётная очередь тр-тр-тр-тр. Тут уж Николай не выдерживал. Он снимает кирзовый сапог, поднимает занавеску и запускает в Дорофея. На какой-то момент храп и очереди прекратились, но как только Николай сел за стол, всё начиналось с прежней силой. Тогда в ход шёл второй сапог.

– Дороха, язви тебя в душу! — Хохотал Николай. — Ты, Харитонья Николаевна — издевался он над проснувшимся товарищем — этого засранца больше не корми!

– А чё, а я ничё — оправдывался Дорофей за занавеской и тут же снова засыпал.

Позднее, уже при лампах бабушка кормила трактористов. В тракторной бригаде из мужчин был один, бригадир Иван Ильич, из деревни Варзинская. По болезни и по возрасту его на фронт не взяли. Его бригада состояла из четырёх девах, которых он был обязан обучить работе на тракторе. Техника была на грани фантастики. Тогда выпускались трактора марки ХТЗ (Харьковского тракторного завода). Их прозвали колёсниками, так как основная масса трактора состояла из массивных железных колёс. Передние были не такие большие, зато два задних с большими зубьями по ободу были выше самого трактора. Беда заключалась в том, что они упорно не хотели заводиться, особенно в холодное время, а когда, наконец, после долгих мучений трактор «схватывал», заводной ручкой успевало сломать челюсть или руку зазевавшейся трактористке. Девки ревели и не хотели работать на колёсниках. За трактором тянулся шлейф дыма, как за паровозом. Машинный парк состоял из бортовой ЗИС-1 и двух американских газогенераторов, работающих на дровах. Для них специально пилили чурки и укладывали в специальный отсек

в деревне. Бригадир Иван Ильич по месяцу не бывал дома в своей деревне, которая была в трёх километрах от Пчелинской. По весне части трактора вязли в лощинах. Тогда на помощь приходила вся деревня. К трактору канатом привязывали быков и общими усилиями вытягивали трактор. Чуть позднее, в пятидесятом году привезли гусеничный трактор НАТИ. Это уже был более надёжный и мощный трактор. Наш колхоз им. Калинина включал в себя десять деревень. Председатель Пётр Яковлевич с раннего утра до позднего вечера мотался по отделениям. Его заместитель Пётр Захарович заведовал колхозной фермой. Он же исполнял обязанности бригадир производственной бригады. Вечером он ходил по домам и загодя распределял работу, кому куда выходить и что делать. Когда начинался сенокос, и нужно было ставить стога, Пётр Захарович всегда ставил на эту работу нашу бабушку. Лучше её никто не мог принимать и укладывать сено на стог. Стог у неё получался ровный, красивый. А когда бабушка заканчивала вершить стог, её спускали на возжах. Каждый раз боялся за неё, что она упадёт и разобьётся. Мы, ребята, тоже принимали посильное участие в сенокосе. На телегах принимали, укладывали и трамбовали босыми пятками душистое сено. Надо сказать, что для этого тоже был нужен определённый навык. Чуть только переложить сено на один бок, на первом же бугорке от толчка сено сваливается на землю. Бывало, что вместе с сеном сваливаешься и сам. Прижимом, бастрыком (берёзовым хлыстом) сено укладывали только тогда, когда до стога было далеко. Обычно сено возили на больших лесных полянах, на опушке леса или заливных лугах. Стога ставили в центре покоса. Перед этим подсохшее сено собиралось в копны. Для перевозки сена телеги были оборудованы спереди и сзади специальными деревянными решётками, чтобы сено не сползло. Лет в восемь-девять мы уже самостоятельно могли запрягать лошадь в телегу или сани. Правда не всегда хватало плечёнок, чтобы затянуть на ней хомут или черезседельник, или затянуть гужи. Мы учились всему от старших. Со стороны наверно было смешно видеть, как маленький пацан пыхтел и ругался совсем по-взрослому:

— Стой, холера, мать твою! Чтоб тебя волки сожрали!

На самом деле лошадок мы очень любили. После тяжёлой работы купали в реке, или гоняли в ночное со старшими ребятами. Что поделаешь, хотелось быстрее быть взрослыми. Может быть деревенский быт, а скорее безпаспортный режим наложили манеру общения среди взрослого населения. В деревне почти никто не знает друг друга по фамилии, а женщин не называли по отчеству, а звали по имени мужа, подчёркивая принадлежность к нему. Например, соседку через улицу звали Вера Петиха. Другую — Маня Ваныха. Так же давали меткие прозвища по их телесным недостаткам. Была в де-

ревне Дуня хромушка и Шура косушка. И никто из них на это прозвище не обижался. Мою бабушку всегда и все называли Харитонья Николаевна, а маму Анна Ивановна. А нас, детей, знали и звали по именам. А чтобы было понятно, добавляли принадлежность к матери или бабушке. Например Нинка Катина, Любка Аннина, Лидка и Борька Харитоньины. На выходной из посёлка Ленинского приезжала мама, попроведать нас. С собой привозила гостинцы: булку казённого хлеба, немного конфет, ирисок и круглых витаминов. Мне привезла новые сандалики и тубетейку. Мамин приезд для нас был большим праздником. Сегодня суббота, мы сидим с Лидой и Пашкой на крыше нашего дома и внимательно по очереди смотрим в Пашкин бинокль на дорогу, которая ведёт из села Архангельского в нашу деревню. Солнышко печёт немилосердно, пот течёт с нас градом. А мы всё смотрим на дорогу и ждём маму. Вот проехал на стареньком велосипеде с большой сумкой через плечо наш почтальон Поликарп Кузьмич. Проехал и исчез за двумя большими елями, стоящими у дороги. От нашего дома по прямой через поле до дороги было около двух километров. А глядя в бинокль казалось, что человек или повозка совсем рядом. Можно было различить выражение лица. Мне дали бинокль в последнюю очередь, когда он уже надоел Лиде и Пашке. Я уставился в окуляры и сначала увидел только старую маслобойню и овин. Поднял бинокль чуть повыше и увидел дорогу, а по ней пылила лошадь с телегой, в которой стояли фляги. На передке с вожжами в руках сидел Серёжка, сын соседки тёти Кати. Рядом с ним сидела наша мама. В руках она держала большую чёрную сумку. Я молча отдал бинокль Пашке и поспешил к лестнице, чтобы первому сообщить новость бабушке. Но Лида смекнула что к чему и сиганула через меня с лестницы. Где мне было тягаться с длинноногой сестрёнкой, если она нынче на выгоне поймала зайца. Бабушка поставила кипятиться самовар, постелила на стол чистую скатерть. Вот телега поравнялась с нашим домом, и мама на ходу легко спрыгнула с неё. Мы бросились к ней на встречу. Она обняла нас, взъерошила мне вихры и сказала:

— Ну, совсем большие вы стали!

— Здравствуй, мама — поздоровалась она с бабушкой. — Ох и жаррица. Пока добиралась вся употела. Хорошо бы с дороги в баньке сполоснуться.

— Вот беда — Сокрушается бабушка. Баню то я истопила, да вон настирала гору белья, воду то израсходовала. Ну ничего, натаскаю воды да снова затоплю.

— Да нет, мама, не надо баню топить. Вот чуть перекушу и немного отдохну и пойдём с ребятами полоскать бельё на реку.

— Ура! Идём на реку — запрыгал я от радости. Обычно сестрёнки меня не брали с собой на реку.

Бабушка уже накрыла на стол. Посреди стола поставила самовар. В эмалированных блюдах уже парил суп. С краю в тарелке стоял творог, сверху сдобренный сметаной. Рядом кринка с молоком и каравай свежего печённого ржаного хлеба. Когда все поели, мама поставила на лавку сумку, с которой приехала. Открыла её и протянула мне книжку с картинками. Книжка была сделана из толстых листов и сворачивалась и разворачивалась как гармошка. Я ещё читать не умел, но уже половину букв из складной азбуки освоил. И уже мог составить по слогам небольшое слово МА-МА мы-ла ра-му. Книжка называлась «Конь-огонь». Лида пообещала прочитать мне её. Ей мама купила три разноцветных ленты и коробку конфет и сказала:

«Конфеты раздели с братишкой поровну. А тебе, мама, купила баранок, да ландрину (конфеты) к чаю. И вот ещё палку колбасы. От колбасы по избе разнёсся пряный мясной запах. Наша кошка Камка никогда не подходила к столу, когда мы ели, а тут не выдержала соблазна, подбежала к столу и стала шаркаться о ноги. И с утробным урчанием, глядя в глаза мяукнула, как бы выпрашивая:

«Дайте мне кусочек вкуснятинки попробовать».

Бабушка отрезала нам с Лидой по кусочку колбасы и по куску ржаного хлеба. Мы с аппетитом съели это лакомство. Кажется, ничего вкуснее мы никогда не ели. Камке достались шкурки от колбасы. Уединившись с Лидой в нашу комнату, мы принялись делить конфеты. Витаминки, так мы их почему-то называли, были конфетами в виде горшка голубого цвета. Разложить их на две кучки не составило большого труда. А вот когда бабушка нам к чаю выдавала два кусочка комкового сахара, их надо было расколоть щипчиками, тогда компромисс с сестрёнкой разрешился только с помощью аптекарских весов, которые остались от матушки Веры Платоновны. Она на них развешивала составы из целебных трав. Сестрёнке всегда казалось, что бабушка дала мне кусочек сахара крупнее, чем ей. Может, это было, в какой-то мере и правда, ведь в семье из «мужиков» был я один. Но справедливость всё равно восстанавливалась. Сестрёнка от моего кусочка отщипывала и снова развешивала на весах. После обеда мы идём с мамой полоскать бельё и купаться на реку. Мама снимает с пола уже запылотившийся домотканый половик, сворачивает его и вешает на плечо Лиде. Мне подала два круглых коврика полегче, которые стелили возле наших коечек. Выйдя за полевые ворота, мы оказываемся в поле. С правой стороны от дороги расстилается, сколько видит глаз цветущее картофельное поле. Над благоухающими цветами жужжат мириады пчёл и шмелей. С левой стороны до самого выгона, а впереди до самой реки, колыхается под лёгким тёплым дуновением ветерка ржаное поле. Высоко под облаками над ржаным полем разносится радостный гимн жаворонков. Я задрал голову и пытаюсь разглядеть жаворонков, но

остановившись и приглядевшись повнимательнее, увидел в бездонной голубизне только колеблющиеся точки. Пройдя ещё с десятометров, мы поравнялись со старой колхозной кузницей. Рядом стоял станок из толстых жердей, дляковки коней. Сегодня в кузнице никто не работает. Не слышно звона кувалды, плющащей раскалённое железо на наковальне. Не слышно шума мехов и шипения горна. Старая кузница — трудяга сегодня отдыхала. Дальше дорога пошла под гору. Мы с сестрёнкой добавили ходу и мама с бабушкой остались позади. Вот наконец-то показалась голубая извилистая лента реки. Над прибрежной осокой носятся с невероятной скоростью стаи ласточек. Иногда они резко меняют курс и уже мечутся низко над стадом колхозных коров. Здесь полно комаров и слепней. Ласточки, набрав добычи полный клюв, возвращаются к своим норам в обрывистом берегу. Из нор то тут, то там доносится писк птенцов. На ходу раздевшись и побросав одежду на берегу, мы с визгом и брызгами влетаем в воду. Наша деревенская купалка называлась Ямкой. С мелкого песчаного переката дно плёса постепенно уходит вглубь. Ближе к противоположному берегу было самое глубокое место. Здесь вечерами мы купали лошадей. И в этом глубоком месте даже лошадь идёт в плыв. Туда мы не заплывали, побаивались. Барахтались по-собачьи на мелководье. Один раз после обильного дождя, повернувшись на спину, и предоставив тёплым струям воды своё тело, дрейфую по перекасту. Когда я повернул голову, что бы посмотреть где берег, вздрогнул, я не узнал свою купалку. С переката меня быстро снесло в соседний омут. Попробовал ногами нащупать дно, но меня скрыло с головой. Вынырнув, я отчаянно замолотил руками и ногами и стал подгребать к берегу, где меня ждала испуганная сестрёнка:

— Ты смотри, — напутствовала она меня, — бабушке ничего не говори, а то обоим достанется. И она больше не отпустит нас на реку.

Мама уже расположилась полоскать бельё на плотиках. Мы с Лидой попросили у неё марлевую занавеску, взяли за концы, получилось что-то вроде кошеля, и стали рыбачить. Сначала попадались только одни большие жуки плавунцы, а потом когда воду мы изрядно взмutilили, стали попадаться небольшие шурята, и даже поймали четырёх сорожек. Уходить с реки не хочется, но бельё выполоскано, и мы плетёмся домой за мамой.

Лида из дома взяла трёхлитровую банку и в ней уже плавают с десяток шурят и сорожек. Перед самой деревней я попросил Лиду:

— Дай мне понести банку — на что она милостливо согласилась — только смотри не урони и не разбей.

Я гордо выпшагивал с банкой по улице деревни. Показал Пашке и Нине наш улов. Возле нас по улице пронёсся Толя, Веры Петихи сын. Он гонял обруч погонялой из проволоки и поднимал пыль

за собой. На что мама заругалась: ты что варнак, не видишь, что мы идем в чистом стиранном белье? Толик с сарказмом осмотрел наш улов и сказал: «фу какая мелюзга. Вот вчера мы с тятей и мамкой в деревню ходили на Большой Нюрюг, так наловили полное ведро рыбы, все как притащили». И он наглядно разводя руки показал, как трудно было поймать щуку.

Ничего ребята, мы тоже как-нибудь сходим на рыбалку — пообещала нам мама.

Придя домой, она спросила у бабушки: а что мама у нас ведь тоже был какой-то бредник? Шанкины ходили бродить, говорят вчера рыбы притащили. Неплохо и нам рыбкой разжиться.

— Да вы в амбаре за ларем лежите сколько лет, наверное уже мыши на крыше — сказала бабушка.

Ну ладно, как только Вера сдаст экзамены в школе, в Ленинское, тогда и приедем мы с ней и все вместе сходим на рыбалку.

После обеда мама уехала в Ленинское.

Рыбалка на Большом Нюрюге

Погода прошла быстро. На грядках в огороде, вместе с морковью, свеклой, репой, картошкой, луком вытянулось несметное количество трав: осота, хвоща, березки и лебеды. Бабушка распределила между нами грядки и сама, в свободное от работы время, полола и вычищала картошку. Правда, после моей прополки на грядке сиротничко стояло несколько свеколок. Хорошо еще, что бабушка вовремя отстранила меня от этой работы. Она не ругалась, просто сказала: Вера, пойдя, нарви травы кроликам и брось им, а потом присмотри за шалашами, чтобы их вороны не утащили. С этими обязанностями я справлялся неплохо.

Ура, наконец-то суббота. И как обещала, мама приехала с моей старшей сестрой Верой на колхозной полуторке. Машина затормозила возле самых ворот, подняв большое облако пыли. Из кузова сначала спустилась на землю Вера, на ней было красивое легкое платье. Мама подала ей сумку и спустилась сама. Дядя Ваня вылез из машины и зачем-то попинал задние колеса. Наверное, чтобы лучше работали мотора. Мама порылась в редикюле и протянула дяде Ване грешку. Мне было хорошо видно в зеркале, приделанном сбоку кабины. Дядя Ваня поморщился:

— Анна Ивановна, еще не хватало, чтобы я со своих деньги брал.

— Ну так хоть на минутку зайди, мамино холодного кваску попить.

- Хотя я тороплюсь, еще надо свезти в деревню Кисели в клуб кинобанку, а потом в Архангельское, в МТС, но от кваску Харитонья Николаевны не откажусь.

И он первым вошел в избу:

- Здравствуй, здравствуй, Харитонья Николаевна, как ваше здоровье?

- На ничего, Ваня, бог миловал, на ногах ещё. Не могут без меня обойтись: то с фермы колхозной прибегут за мной — не может коро-ва растелиться, то попросят поработать на сенокосе — некому сто-вершить. А мне уж как-никак скоро шестьдесят стукнет. Садись на лавку то, охлынь маленько. Я тебя кваском холодным угощу.

- Да, пожалуй, попью.

Бабушка нацедила ему из квасницы пенящегося ядреного кваса в большой синий кувшин. Дядя Ваня разгладил усы и приложился к кувшину. С передышками он выпил весь квас. Крякнул от удовольствия и сказал: а что, ведь правда, Харитонья Николаевна, во всей округе нет такого квасу как у тебя. Бабушка улыбнулась:

- Заезжай, всегда угощу кваском, раз он тебе понравился.

Дядя Ваня отказался с нами пообедать и уехал. Уже за столом бабушка поинтересовалась у Веры: ну как дела с учебой внученька

- Да все хорошо бабушка, экзамены сдала без троек, последний экзамен-сочинение написала на пять

- Ну дай бог, дай бог — обрадовалась бабушка — ведь как-никак будешь поступать в педучилище на учительницу, как я слышала от матери.

Пообедав и с часик отдохнув, мама вытащила из амбара старый бредень. Они с Верой развязали и растянули его на лужайке возле дома. Бредень был действительно старый. К двум паткам была припита мешковина, а уже к ней припита сетка. Местах в десяти она была прогрызена мышами. Мама с Верой быстро заштопали её портяными нитками. В самой середке был кошель.

- Ну вот и все — сообщила мама — поплавки на месте, грузила тоже, можно идти рыбачить.

Я спросил: мам, а зачем в бредне кошель?

- А это для того, сынок, чтобы рыба не могла быстро выскочить из сетки.

Закончив с починкой, мама достала с выпки пару лаптей и положила их в рюкзак с запасной одеждой себе и Вере. Она перебрosiла бредень через плечо, и мы отправились на рыбалку. Минувя выгон, пошли узкой полевой тропкой, с неё свернули на дорогу, по ней мы и дошли до леса. Слевой стороны рос небольшой ельник, а с правой большие березы и осины. Пройдя с километр по лесу, дорога нас вывела на большую заросшую травой и валерьяной поляну. Поляна называлась дегтярной. Мама рассказала нам, что раньше здесь

Видя, что строена смолокурня, из бересты выгоняли деготь. В лесу начали докучать несметные полчища комаров и слепней. Сломив их ботве и отмахиваясь от кровососов, добавили ходу и неожиданно вылетели к реке. На открытом месте возле реки потянуло свежим ветерком. Река голубой лентой, петляя между полян, уходила вдаль. Да, Большая Нюрюг побольше Малого, отметил я, да и омота здесь больше и шире. Подойдя к заросшему желтыми кувшинками плёсу, остановились. Мама бросила с плеча в траву бредень и сказала:

«Вот отсюда, от Даниловой избушки и начнем бродить»

И спросил: мам, а почему этот омут Даниловой избушкой зовут, ведь то я никакой избушки не вижу?

«Очень давно, сын, в этом месте рыбак Данила построил себе избушку. Он умер, а избушка разрушилась от времени».

Поконного отдохнув от дороги, мама с Верой переоделись в старую одежду, одели лапти, надели платки и с растянутым бреднем вошли в реку. Первой взвизгнула тихонько Вера, а потом мама. От разогретого кобылой тела вода показалась холодной.

«Ну ловись рыбка большая и маленькая — сказала мама».

Они перегородили реку от переката и, с трудом протягивая бредень через кувшинки и водоросли, медленно стали пробиваться вглубь плеса. Неожиданно через поплавки перемахнула щука, она с шумом плюхнулась сзади бредня и моментально ушла вглубь.

«Вера — сказала мама — веди клюшку круче, а то через верх вся рыба уйдет».

Когда они это сделали, и верхняя веревка поднялась над водой вместе с поплавками, еще одна щука хотела с запозданием преодолеть препятствие, но, ударившись в сетку, попала в кошель. Вера с мамой стали подбредать к кустам ивняка, и с них, с громким хлопанием, вылетели две утки. Кувыркнувшись в воздухе, они спрятались в камышах соседнего омота. От неожиданности мы вздрогнули, а потом засмеялись. Фу как напугали!

Мы стояли с Лидой на обрывистом берегу. И тут я увидел в лужах, пронизывающих верхний слой воды, как метровая огромная щука, минуя бредень, медленно шевеля плавниками, проплыла в другом направлении. Я от неожиданности лишился дара речи и все показывал пальцем на воду, а потом чуть не плюхнулся за щукой в реку. Видя, что она ушла, чуть не заревел.

«Вон она щука — орал я».

«Хватит реветь — посоветовала мне мама — вон бери хворостину и кленци ею по воде, загоняя рыбу в бредень. Когда наконец бредень выгнали через узкий заливчик вместе со мной и хворостиной на противоположный берег, в сетке прыгали две щуки, разве чуть поменьше которых я видел. И ещё с десяток серебристых крупных сорог. А в коше-

ле среди листьев кувшинки прыгал здоровый горбатый с красными плавниками окунь.

— Хорош, ничего не скажешь, килограмма на полтора, пожалуй потянет, — сказала мама. Потом полюбовавшись бросила его в рюкзак. В рюкзаке он больно бил Лиду по спине и поэтому мы тащили рюкзак вдвоём за лямки. По мутной воде, сейчас уже по течению, мама с Лидой потянули бредень назад на перекат. Уже перед самым берегом неожиданно зацепились сеткой за корягу. Изрядно повозившись с корягой и отцепив сетку, выбрали на берег. На этот раз поймали большого чёрного налима. В соседнем омуте было меньше кувшинок, но зато очень вязкое дно. Здесь поймали пять сорочек и три золотистых красивых линя. Солнышко пошло уже на закат, над рекой стал подниматься туман. Где-то совсем рядом в лошине затрещал коростель. В очередной раз просакав омут, стали собираться домой. Мама взялась за лямку рюкзака и сказала:

— Тяжеловато уже рюкзак таскать, да и темнеть начинается.

Они с Верой промыли в воде бредень и на берегу вытрясли его от водорослей и ракушек. Они переоделись во всё сухое и мы зашагали домой. Бабушка встретила нас у полевых ворот. Вместе с ней пришла встречать нас и наша кошка Камка.

— Что-то вы долго, я уж стала волноваться, — немного поворчала бабушка.

В доме горела керосиновая лампа. Мама с улицы принесла ванну, в которой стирали бельё, и вывалила из рюкзака туда рыбу. В ней опять затрепыхался большой окунь. А налим лениво извивался своим сильным телом.

— Да где вы такой крупной рыбы наловили? — удивилась бабушка.

Она тут же начала чистить рыбу, вспарывая ножницами животы. А уже потом ножом на разделочной доске удаляла кишки. И уже очищенную рыбу бросала в большой эмалированный таз.

Наконец, бредень вытащили через узкий проливчик вместе со мной и хворостиной. В сетке прыгали две щуки, разве чуть-чуть меньше тех, которых я видел, с десятков серебристых крупных сорочек. А в кошеле среди листьев крапивы бился здоровый горбатый, с красными плавниками окунь. Мама взяла его под жабры: «Хорош, ничего не скажешь, килограмма на полтора пожалуй потянет». А потом бросила его в рюкзак. В рюкзаке он больно бил Лиду по спине и поэтому мы тащили рюкзак вдвоем за лямки. По мутной воде, сейчас уже по течению, мама с Верой протянули бредень назад на перекат и перед самым берегом зацепились сеткой за корягу. Изрядно повозившись и, отцепив сетку, выбрали на берег. На этот раз поймали большого черного налима. В соседнем омуте было меньше кувши-

нить, но зато очень вязкое дно. На этот раз поймали пять сорожек и три золотистых красивых линя.

Солнышко пошло уже на закат и над рекой стал подниматься туман. Где-то совсем рядом в дощинке затрепал коростель. Мама достала из рюкзака и сказала: «Ну, что ребята, давайте собираться домой, таксовато уже рюкзак таскать, да и темнеть начинается». Они Верой прозвали в реке бредень, а на берегу вытрясли его от водорослей и ракушек, переоделись во все сухое и мы быстро зашагали домой.

Бабушка встретила нас у полевых ворот. Вместе с ней встречать нас пришла наша кошка Камка. «Что-то вы долго, я уж стала волноваться», — немного поворчала бабушка.

В доме уже горела керосиновая лампа. Мама принесла ванну, в которой стирали белье, и вывалила в нее из рюкзака рыбу. В ванне нашей окунь затрепыхался, а натим лениво извивался своим сильнотелом.

«Да где вы такой крупной рыбы наловили?» — удивлялась бабушка. А уж потом ножом на доске начала чистить рыбу, и уже очищенную бросала в эмалированный таз с водой. Особенно она нахваливала щуку и золотистых линей.

«Пот, как закончу рыбу обирать, поставлю квашенку, завтра испекую из линей и налима пирог». Из брюха большой пузатой щуки бабушка извлекла небольшого утенка, видно недавно заглоченного щипачем. Он еще не успел перевариться в желудке у щуки. Мне сразу стало жалко этого маленького и беззащитного утенка. Попробую вырваться из такой зубастой пасти. Вот так тебе и надо погрозил я зубачком, раскрывшей пасть щуке. Не будешь жрать маленьких утят.

Нам с Лидой хотелось посмотреть до конца пока бабушка почищет всю рыбу, но мы уже начали «клевать носами».

«Ребенки, спать! Уже поздно» — сказала мама. Мы улеглись в свои койки и сразу провалялись в глубокий сон. Утром просыпаясь от того, что кто-то стягивает с меня байковое одеяло. Открываю глаза и вижу, как Камка уцепившись за край одеяла, пятась назад, стягивает его с меня. Она это делает, когда я долго дрыхну. В избе уже все прибрано, а под полотенцем на столе отдыхают два пирога. По избе плывет обалденный запах свежее испеченного хлеба. Мы с сестренкой вскакиваем и бежим умываться на улицу. По пути я поинтересовался у бабушки, где мама с Верой. «Да они до жары ушли в огород дополоть и окучить картошку. Сейчас придут завтракать. Их уже звала». У умывальника уже умывались мама с Верой. Освежившись холодной водичкой, все пошлти завтракать. Бабушка налила всем горячей наваристой ухи из окуней и ершей. Мама отрезала нам по куску пирога и налила из кринки по кружке молока. Пирогам всем понравились, корки пирога были зарумянены, пропитаны

жирком от линя. Но мне больше всего понравилось белое мясо на пима без косточек.

Мы иногда с сестренкой Лидой вздорили из-за железной немечкой трофейной ложки. Отец отдал ее маме, когда она ездила на встречу с ним в город Котельнич. Но после споров мы пришли к компромиссу, что будем пользоваться ложкой по-очереди. Сегодня она ест, а завтра я. Закончив с завтраком, мы сказали спасибо бабушке и выскочили на улицу играть.

Мне не терпелось рассказать всем пацанам про вчерашнюю рыбалку. Ближе к вечеру нас всех пригласили в баню к соседям. Баня у нас была своя в огороде под вековой липой, но раз пригласили, то свою топить не стали. Так было заведено в наших краях, особенно в деревне, делиться и помогать соседям, кто чем мог. Радость для всех была одна и беда тоже. Война и похоронки не обошли ни одного дома. Беда спланивала людей. В первый пар пошли девчонки Вера с Лидой и с подружкой Любой.

Соседская старая баня пользовалась дурной славой. Еще до войны в ней застрелился девятнадцатилетний соседский сын Сашка. Он не смог перенести, что его невеста отказала ему и вышла замуж за другого. Не прошло и десяти минут, как в избу с криком и визгом влетели насмерть перепуганные девчонки. «Что случилось? Кипятком оппарились что ли» — всполошилась бабушка.

«Да нет, нет. Там Сашка, Сашка» — заикаясь от страха, кое-как объяснили девчонки.

«Да говорите вы толком, что случилось?»

«Только мы разделись, помыли головы, а сами разговариваем о том застрелившемся парне Сашке» — начала Вера — «Что он лежал на полке весь в крови, а мозги вылетели прямо на каменку. Только я проговорила это, на потолке послышался шорох, а потом из-за каменки загробный голос: «Помните меня?» мы замерли, а потом с визгом в чем мать родила выскочили из бани. А брошенное нами след полено, привело нас окончательно в ужас!»

Но все оказалось довольно таки просто. Приехавший в гости к бабушке Анисье, внук Геннадий увидел, что девчонки пошли в баню, решил попугать их, залез на потолок бани, а когда услышал о чем они говорят, то и напугать их ему не составило труда. После этого случая он избегал встречаться с девчонками. Они пообещали ему устроить темную.

Вот и август уже на дворе, купаться на речку уже не бегаем: после ильина дня вода уже холодноватая. Когда идут дожди, мы играем на подволоке (чердаке). Там у нас к стропилам крыши привязаны качели. Посредине стоит бабушкина сновалка, на которой она мотает нитки — основу для половиков. И мы кружимся на ней, как на карусели. Надоест кружиться, перелезаем поверху на поветь /сеновал/

Кушариваться и делать норы в сене. В солнечную погоду «страдаем» на огородах: одним голанку (брюкву), морковь, репу, горох. Горох нам нравится все же вкуснее с колхозного поля. Бригадир полеводческой бригады Петр Захарович разрешал нам пацанам есть горох с условием, что мы не будем его очень топтать. Целыми днями лазим в огородах по высоким черемухам и рябинам. От черемухи у всех во рту, на зубах и языке толстый черный налет. В лесу полно грибов: подберезовиков, подберезовиков, красноголовиков, за выгоном в ельнике много рыжиков и волнушек. Себе на зиму грибов уже давно насолили и засушили. Потом стали сдавать в сырьевой склад. На вырученные деньги покупали хлеб и сахар.

Иногда бабушка отпускала нас в кино в село Архангельское. Обратно возвращались уже по темноте, с фонариками. Шли, обмениваясь впечатлениями от кинофильма. Фильмы раньше показывали частями, после каждой загорался свет. Некоторые фильмы состояли из киножурнала и шести — семи частей. Киноплёнки были низкого качества и раза три в течении показа фильма рвались. Но все равно смотреть было интересно. Мне особенно запомнились фильмы «Тарзан», «Чапаев», «Василиса Прекрасная», «Броненосец Потёмкин», «Ночь перед рождеством», «Вий».

Поселок «Ленинское».

Моя первая новогодняя ёлка.

Скучно мама увезла меня к себе в поселок Ленинское. Там на центральной улице Сталина мама сняла в аренду полдома. Улица была вымощена деревянной чуркой. Цокот кованых лошадиных копыт, проезжающей повозки был слышан за полверсты. Напротив нашего дома стояла районная больница. Мама сразу же оформила меня в садик в среднюю группу. Садик располагался в сосновом парке, на берегу пруда. Но в группе был карантин по ветрянке и, поэтому, мне пришлось почти месяц днем быть одному. Вера с Лидой уходили рано на учебу, мама на работу.

Вспоминаются мне зимние катания с ледяной горки на фанерках, игры в снежки и постройка в снежных заносах лабиринтов. Перед Новым Годом, однажды, не дождавшись пока меня заберут из садика, самовольно ушел и заблудился в поселке. Привели меня в милицию и от меня узнали, что маму зовут Анна Ивановна. Милиция находилась рядом с педучилищем, где мама работала заведующей столовой. Позвонили маме и она забрала меня.

Курьезный случай произошел у меня с громкоговорителем. Это было как раз на второй день моего приезда из деревни к маме. Утром, уходя на работу, мама сказала: «Боря, я ухожу на работу, останешься, умоешься, поешь, а я после обеда приду, от дома далеко

никуда не уходи» – поцеловала меня в макушку и, хлопнув дверью, ушла. Я еще немного полежал. Уже совсем рассвело, за окном, перелетая с ветки на ветку, чирикали воробьи и ворковали голуби. А в комнате стояла гнетущая тишина и мне стало скучно, вспомнилась бабушкина деревня, кошка Камка, бабушкины колобы. И, чтобы не зареветь, встал с кровати, заправил ее, умылся и только подошел к плите, чтобы налить супу в тарелку, как откуда-то сверху громкий голос сказал: «Московское время девять часов, передаем сигнал точного времени». От неожиданности и страха я даже подпрыгнул, при этом тарелка из рук у меня выскользнула на пол и разбилась на две части. Я со страхом поднял голову и услышал, что кто-то говорит мужским голосом из подвешенной черной тарелки. Чтобы не показаться трусом, я схватил ухват и принял угрожающую позу. При этом сделал первое предупреждение: «Гад такой, как ты меня напугал, замолчи сейчас же, а то хуже будет!» Но тарелка не думала молчать, и я исполнил свою угрозу, треснул ухватом, что было силенок по черной тарелке. В ней что-то крикнуло, пискнуло, и она с грохотом свалилась на пол и тот, кто сидел в тарелке замолчал. А я с чувством выполненного долга сел завтракать, а потом взял книжку «Чук и Гек», которую мне подарила сестренка Вера, и стал разглядывать картинки. Потом нашел большой мамин альбом с фотографиями, в нем нашел фотографию, где мама сидела рядышком с папой, и мне опять стало грустно, что папы нет с нами. И так незаметно задремал на диване, где сидел. Проснулся от настойчивого стука в дверь. «Боря, открой, это я мама» — услышал я ее голос. Я спрыгнул с дивана и открыл защелку.

Мама зашла в комнату и попятилась назад. «Боря, что случилось с радио, оно упало на тебя да?» и она с испугом обследовала меня и когда убедилась, что я цел и невредим, успокоилась. Тут я без утайки рассказал маме о конфликте с черной говорящей тарелкой. Мама не рассердилась на меня, а сказала, что это она сама виновата, что не предупредила меня заранее, ведь до моего приезда радио целую неделю молчало.

Большое впечатление на меня оказала первая новогодняя ёлка в педучилище. Там состоялся вечером большой бал маскарад. Мама за руку ввела меня в большой зал, освещенный множеством электрических ламп. А в середине зала, я глянул и обмер, стояла большая красавица ёлка, а вверху под самым потолком на вершине ёлки, горела большая пятиконечная звезда с лучами, исходящими от нее. На ёлке горели и мигали разноцветные гирлянды лампочек, зигзаги красивых бус свисали со всех сторон. Зал был полон молодежи, все были в замысловатых масках и карнавальных костюмах. Тут были коты и лисы с волками, мушкетеры с длинными шпагами за поясом. Здесь же вокруг ёлки водил хоровод царь морей Нептун с русалками. Нас

Встретилась полноватая женщина невысокого роста в красивом вечернем платье. Мама мне шепнула, что это директор педучилища Галина Германовна. Она взяла меня за руку и повела к ёлке. Там стоял красавицкий с большой белой бородой в красной длинной шубе с длинной палкой в руках дед Мороз. Рядом с ним стоял большой человек с подарками. Возле деда Мороза приплясывала высокая, в белой шубе, в красивой блестящей короне на голове с длинной косой Снегурочка. Тут дед Мороз громко стукнул об пол палкой и громко сказал: «А сейчас молодой человек что-нибудь нам расскажет или споест». Хоровод остановился и все уставились на меня. От такого внимания к своей персоне я опешил, но потом вспомнил, что мама мне когда-то рассказывала песенку о ёлочке. И в наступившей тишине, напевая, пропел тоненьким голоском два куплета из песенки, гармонизировав слова. Все захлопали. «А что ты расскажешь еще? — не отступил дед Мороз. Тут я расхрабрился и выдал экспромтом ему все что знал стишок про Мишку Косолапова и про то, как Таня утопила в реке мячик, про котика-кота. Зал разразился аплодисментами. Дед Мороз поглядел по моим вихрам мягкой большой рукавицей и похвалил меня: «Ну, молодец, а сейчас получи подарок!» Он наклонился над мешком и достал кулек с конфетами и фруктами. Я получил пакет маме, а меня подхватила под руку Снегурочка и мы закружились в хороводе.

В углу зала стоял большой, похожий на стол только со ступенькой, огромный музыкальный инструмент — рояль, как потом мне объяснила мама. За ним сидела и играла молодая девушка тоже с красивой прической на голове. В доме, в котором мы жили, арендовал комнату молодой мужчина 25–30 лет зубопротезный врач Федор Иванович. Он был высокого роста, у него были черные пронзительные глаза, длинные черные вьющиеся волосы. И хотя имя у него было русское, по его внешности его можно было принять за представителя кавказской национальности. Он вел прием на дому. В его комнате стояло зубоорудное кресло с «жужжалкой». Из-за двери комнаты слышались ахи и ахи и я, с опаской поглядывая на дверь, прощмыгивал по общему коридору к двери своей квартиры, минуя людей сидевших на лавке в очереди на прием к врачу Федору Ивановичу. На кухне на его столе всегда что-то кипело и плавилось в специальных формах на электроплитке. Один раз я заглянул в кипящую кастрюльку и испугался в ужасе: в воде кипела человеческая челюсть с белыми зубами. Что было силы я рванул к маме поделиться страшной новостью: «Мама, мама дядя Федя суп из человеческих зубов варит». Мама долго смеялась надо мной, а потом объяснила, что дядя Федя делает искусственные зубы из пластмассы и называются они протезами. Дядя Федя вечером до слез смеялся надо мной. Потом поднял

меня на руки и стал подбрасывать до самого потолка. Иногда Федор Иванович заходил к нам в комнату вечером

И они с мамой и Верой играли в карты «в подкидного». Однажды, когда играть им наскучило дядя Федя спросил:

«Хотите фокус покажу?» Он заставил Веру растасовать колоду карт и, не показывая ему, вытащить одну карту и положить на стол. Мы точно видели что это была шестерка бубей. После этого дядя Федя аккуратно тихонько стопкой положил на эту карту оставшуюся колоду. Потом он спросил всех:

«Какая последняя карта?»

«Шестерка бубей» — ответили мы хором.

Дядя Федя попросил маму перевернуть последнюю карту. К нашему удивлению и изумлению там оказалась шестерка виной. Затем он попросил маму принести из кухни с его стола блестящий длинный нож. Федор Иванович взял нож и проткнул себе руку чуть ниже локтя насквозь, полилась кровь. Все взвизгнули от страха и стали ждать, что будет дальше. А он выдернул нож и ладонью провел по ране. Когда мы очухались и осмотрели руку, то там не оказалось даже маленькой царапины и никаких следов крови. Мы сидели, раскрыв рты. И тут мама сказала, что дядя Федя владеет гипнозом и что ему надо работать не стоматологом, а выступать в цирке гипнотизером. Он улыбнулся и сказал, что только учится этому.

К весне Федора Ивановича пригласили работать в город Киров. В одну из стоматологических больниц, и он уехал из поселка. По вечерам без него как-то скучновато стало. Кажется, это было 9 мая 1949 года. Пообедав, я выскочил в скверик около нашего дома. Там меня уже дожидался Васька, мой товарищ из соседнего дома. Мы часто играли с ним в ножички (зубарики). Игра заключалась в том, что нужно было бросить ножик в землю так, чтобы он воткнулся острием. У кого ножик не воткнулся и упал плашмя, тот считался проигравшим, и для него тут же следовало наказание: вбивался в землю деревянный колышек и зубами, проигравший должен был вытянуть его. После такой игры мы шли умываться, так как рожицы были все в земле, а на губах скрипело.

Но сегодня дело до игры не дошло. Я услышал в нашем доме какой-то шум и крики. Я сложил ножичек и побежал домой. Открыв дверь, я увидел странную картину: Лида, моя сестренка размахивала шваброй над головой какого-то мужчины в военном кителе с погонами майора. Он был в галифе, заправленных в хромовые сапоги. На груди у него в три ряда висели ордена и медали. Лида схватила бутылку вина и шоколад, лежащий на столе, и выбросила в окно на улицу, а потом опять взялась за швабру, крича мне: «Борька, беги за Верой, а то вот этот мужик пришел свататься к нашей мамке. А нам не надо чужого дядьку, у нас свой папка с войны вернется!» Мама

Иногда до слезности и вначале улыбалась, а потом почему-то заплакала. Мы выжили на улице ничего не понимая, куда за Верой бежать? А за Верой на улицу вывалился обескураженный жених, потирая плечо.

Нам не верилось, что отец никогда уже не вернется с войны. Прошло уже почти три года, как она закончилась, а мы все ждали. Иногда папа шел на железнодорожную станцию встречать папу. С надеждой смотрели на прибывшие армейские эшелоны, махали руками проходящим поездам. Но все было тщетно. Но все равно подогревали себя надеждой, что в следующий раз отца уж точно встретим. И прибывшие плелись домой. В июне мама сменила место работы, так как старую, где она работала, закрыли. Она устроилась в магазин продовольственного продуктового отдела. Все полки в магазине были заставлены банками с мясными и рыбными консервами, ниже стояли банки с компотами, повидлом, джемами. В витрине лежали в баночках и в коробочках конфеты, тут были леденцы, подушечки. Мы их звали леденцами, приски. В магазине стоял пряный запах, и мы с удовольствием наблюдали, как наша мама, сноровисто щелкая костяшками счетов, отпускает товар покупателю, стараясь всегда быть вежливой с ними. Покупатели ей отвечали тем же. Мама давала нам по коробочке конфет-горюшка и отправляла нас домой, чтобы мы не мешали ей работать. Из магазина мы с сестренкой Лидой шли в поселковый парк. В парке стоял киоск, в котором продавали пиво и вино «в розлив». В парке этот киоск назывался «мордобойка». Возле киоска под скамейками почти всегда можно было найти мелочь, а иногда и бутылочные деньги. Лиде в этом отношении всегда везло больше, чем мне. Она даже нашла как-то червонец, а по рублю и по три, так довольно часто. На эти деньги мы ходили в кино и в поселковую баню.

Пореезд к бабушке в деревню

Как-то летом возле дома, где мы жили, остановилась полуторка дяди Вани из деревни Пчелинской. Он привез нам от бабушки гостинцы: бурак с варенцом и мешок картошки. Мама пригласила его за стол: «Ваня, поешь, наверно, проголодался, рано пришлось выехать-то из дома». Дядя Ваня поблагодарил и сказал: «Мне надо до ближайшего перерыва свезти документы в заготзерно и заехать в кинопрокат за киобанками, а потом заеду к вам и пообедаю». Мама заинтересовалась бабушкиным здоровьем. Дядя Ваня сказал, что бабушка прихворнула немного, угорела в бане, но сейчас уже на ногах. Нам с Лидой очень захотелось поехать в деревню к бабушке, мы сказали об этом маме, и она согласилась отпустить нас: «Езжайте, хоть немного поможете в огороде и по хозяйству». Дядя Ваня приехал быстро, мы уже были готовы к отъезду: в одной сумке были собраны гостинцы: две булки хлеба, палка колбасы и банка джема, во

второй сумке лежала наша одежда. Мы уже поели и ждали, когда дядя Ваня пообедает. Мама налила ему большую тарелку крошки, а он сказал: «Вот это хорошо, в такую жару тарелочка холодной крошки не помешает!» От макарон с мясом отказался. И вот мы уже сидим в кабине старенькой полуторки. Мама забросила в кузов две наши сумки. Дядя Ваня повернул ключ зажигания, взял из-под сиденья заводную ручку и стал заводить двигатель вручную. После третьей попытки машина затарахтела а потом мотор заработал спокойно. Мама машет нам рукой и кричит: «Слушайте бабушку». Мы ей тоже машем руками, а машина уже мчит нас по вымощенной улице.

До села Новотроицкое мы доехали быстро, дорога была хорошо прогрейдерована и поднята. А вот как только выехали за село, машину то и дело накренило то в одну то в другую стороны, то вдруг нырнула в глубокую яму с густой грязью, из которой с трудом вылазила. Дядя Ваня сказал, чтобы мы крепче держались. После деревни Жуки, в лесу, машину забросило в кювет, и дядя Ваня стал подкапывать штыковой лопатой между задними и передними колесами, делая колею для задних ведущих колес. Но все попытки выбраться самим, ни к чему не привели. На наше счастье мы услышали тарахтение трактора и вскоре, из-за поворота, показался гусеничный трактор «Нати». Дядя Ваня выскочил из кабины и помахал рукой трактористу. Тот резко остановил трактор. И вот они зацепили толстым тросом нашу машину, дядя Ваня залез в кабину и махнул рукой. Трос натянулся, машину тряхнуло и она, юзя колесами, выбралась на дорогу. Дальше дорога стала получше. Проехали деревню Липово. Вдали, выше кромки леса, в дымке уже виднелись купола Архангельской церкви. Пропылив по селу, поворачиваем направо и останавливаемся возле клуба. Из дверей клуба выходит сельский киномеханик Виктор Гальшев и они с дядей Ваней выгружают из кузова кинобанки и таскают их в кинобудку. И вот мы уже мчимся по мосту через реку Большой Нюрюг, проезжаем Хутор, слева остается большая школа-десятилетка, а оттуда до Пчелинской «рукой подать», всего 2–3 километра.

Въезжаем в деревню, на дороге стадо гусей, которые важно вышагивают за вожаком, крупным гусем и не торопятся уступать нам дорогу. Дядя Ваня нажимает на сигнал и гуси, шипя и распутив крылья, улетывают с дороги. Деревенская ребятня, увидев нас в кабине, машет нам руками. Подрулив к воротам бабушкиного дома дядя Ваня снова библикает. Из ворот выходит бабушка и, как обычно, ее сопровождает копка Камка. Мы выбрались из кабины, и Камка тут же вскарабкалась ко мне на плечо, чуть не уронив меня, мурча что-то на своем копачьем языке и прижимаясь своим влажным носом к моей шее. Бабушка засмеялась и сказала: «Смотри-ка как она

Лиде встречается, видать соскучилась. Да уж и я по вам соскучилась, не едите и не пьете. Да ты. Боря, уж совсем мужиком стал, дитя мое блаженное» и погладила меня по голове. «А Лида то совсем невеста!» и прихватила ее рукой к себе. Лида залезла в кузов и подала кружку бабушке. Бабушка хотела нас накормить, но мы отказались, по-прежнему выйдя с дороги по кружке прохладного молока.

Одно в избе было открыто настежь, и я увидел, как ребяташки с нашей улицы, поравнявшись с нашей избой, остановились у раскрытого окна. Самая рослая девчонка в красном сарафане Люба, блондинка покружка, крикнула: «Лида, с приездом вас, айдате купаться на бивку». У некоторых девчонок в руках были наволочки от поплавок, как спасательное средство на воде для ребятни, которые не умеют плавать. Делалось очень просто: резким взмахом раскрытой наволочкой и она наполнялась воздухом, потом открытый конец наволочки закручивался, и можно было плыть, держась рукой за этот пупырь, хоть куда. Правда, этим плавсредством, в основном, пользовались только девчонки. Отпросившись у бабушки, мы наперегонки двинулись полевой дорожкой. Первой к реке прибежала Лида, с ней никто не мог тягаться в беге, даже Люба. Вдоволь накупавшись, разлеглись на зеленой травке, в низинке, за кустами ивняка. Здесь вода была и жаркое солнышко в один миг согревает нас. Высохнув, бегая по лугу, играем в «пятнашки», потом в «чехарду». Наигравшись, неспешно идем домой.

Школа, первый класс в деревне Чибриковской

Я поле работаю в колхозе на сенокосе. Первое сентября подошло незаметно. Мне в феврале исполнилось 7 лет, а в школу принимали в первый класс только с восьми лет. Но мне не терпелось ждать еще год, и я упросил бабушку сходить в школу и записать меня. Она сначала не хотела, говорила, что я еще мал, но потом согласилась: «Ну да ладно пойди, все не одному дома сидеть». Ее временно попросили поработать на ферме телятницей, и дома пришлось бы мне одному сидеть. Собрал еще с вечера в холстяную сумку, шитую бабушкой, пенал, букварь, карандаш и одну тетрадку в косую линейку. А утром, проснувшись чуть свет, начал собираться, но бабушка, проснувшись, заставила меня раздеться и лечь в койку: «На улице еще темно, куда ты пойдешь? За тобой ребята зайдут». Я, конечно, лет, но уснуть все равно уже не смог, лежал и думал: запишут меня в первый класс или нет?

За окном забрезжил рассвет, я встал, заправил койку, умылся. Бабушка уже тоже встала, затопила печку и стала готовить завтрак. Только позавтракали, в дверь постучали и вошли двое моих товари-

щей Толя с Борей, через плечо у них были переброшены такие же сумки с лямками, как и у меня. На прощание бабушка поцеловала меня в макушку, и мы втроем отправились в школу. На улице к нам присоединились еще четверо ребятшек. Начальная школа находилась в деревне Чибриковская, в двух километрах от нашей. Пришли мы как раз вовремя. Во дворе одноэтажной школы толпились ребяташки с окрестных деревень, началось построение. Перед учениками выступила высокая худощавая женщина в красивом голубом костюме. Она сказала: «Дорогие ребята, я поздравляю вас с началом учебного года! Многие из вас впервые сядут за парту, здесь вас научат читать и писать. Желаю вам терпения и усидчивости, а также хороших и отличных оценок! Не забывайте наказ нашего великого вождя В.И. Ленина «учиться, учиться и еще раз учиться» Звать меня Антонида Еремеевна, я директор этой школы». Она представила двух учителей: по письму и чистописанию женщину лет сорока пяти с чуть пробивающейся сединой, в очках Марию Тихоновну и учительницу по арифметике Лидию Ивановну такого же возраста. Потом нас всех пригласили по классам. На табличке на двери было написано «1-ый класс» и мы вошли туда за Лидией Ивановной. Прозвенел звонок, и все уселись за пахнувшие свежей краской парты. Лидия Ивановна села за столик возле большой черной доски, весящей на стене, протерла очки маленьким платочком, одела их и внимательно посмотрела на притихших ребятшек, улыбнувшись, сказала:

«Ну, что давайте будем знакомиться. Меня зовут Лидия Ивановна, я буду вашим классным руководителем. А сейчас я буду называть ваши фамилии, а вы будете вставать».

Она открыла какую-то большую тетрадь и начала называть по алфавиту: «Авдеев Коля, хорошо садись, Бусыгин Вася — садись» и так далее. Мальчишек в классе было чуть больше, чем девочек. Перекличка закончилась, а мою фамилию Лидия Ивановна не назвала. Подняла взгляд от тетради на класс и, указав на меня, спросила: «Мальчик на второй парте, как твоя фамилия?» Я встал и сказал, что звать меня Боря, а фамилия Косолапов, что живу я у бабушки Харитоньи Николаевны в Деревне Пчелинская, что мне пошел восьмой год и я хочу учиться и еще для пущей важности сказал, что умею считать до десяти и знаю все буквы. Учительница озадаченно посмотрела на меня и сказала: «Бабушку твою я хорошо знаю, а Лидия Косолапова — это твоя сестра?» Я утвердительно кивнул головой.

«Хорошая девочка, она училась у нас» потом, подумав, сказала: «Ну хорошо, я переговорю с директором на счет тебя, класс укомплектован не полностью. А ты принеси завтра свидетельство о рождении и заявление от бабушки» — обнадеедила меня Лидия

Пятиным. На перемене я познакомился с беловолосым мальчиком, с которым сидел за одной партой, Ваней Пятиным.

Зимой нас возили в школу на лошади на санях, с зажженными факелами, так как в перелесках возле дороги рыскали стаи голодных волков. Было страшновато наблюдать из саней, как в перелесках горят их глаза и слушать их жуткий вой. Даже был один жуткий случай, когда волки загрызли вновь прибывшую из города молодую учительницу. Она задержалась в школе до темноты, и никто не предупредил ее об опасности, а потом нашли только один валенок и портфель с ученическими тетрадками. Война выпгнала этих крошечных хищников из многих регионов страны, особенно были опасны брянские гривастые волки, очень крупные и жестокие. Они держались стаями и даже по ночам забегали в деревни. Если неосторожная собака подавала голос, стая направлялась туда и тут же разрывала собаку на части.

Ночь на седьмое ноября была лунной, и мы видели через окно, как семь волков обошли наш дом, задержались возле нашего скотного двора, но попасть в коровник не смогли, окошечко было забито фанерными скобами. Тогда они направились к колхозному свинарнику. Он был построен летом, и окна не были забиты скобами. Волки, прыгнув, разбил стекло в окне и вся стая волков, забравшись, перевертели все поголовье, около ста свиней. После этого случая из неизвестного города Кирова приезжала бригада охотников. На какое-то время волков поубавилось. Но рыси и медведи представляли тоже опасность. А за лисами мы, ребяташки бегали зимой на лыжах по сугробам. Она, рыжая плутовка, отбежит метров на 30–50 сядет и фыт, а с нашим приближением снова отбежит.

На всю деревню был один дробовик и тот неисправный, поэтому зверье было не пугано. У нас в крайнем сарае ничего не хранилось, и поэтому бригадир полеводческой бригады попросил бабушку выдать этот сарай под склад для льняных снопов. Бабушка согласилась, и сарай был заполнен снопами под «завязку». Дверей в сарае не было, и там одна лиса устроила себе нору, там у нее появились лисята. Пришлось против лисьего семейства «власть употребить», так как стали исчезать курочки. Заботливая мамаша стала обучать своих детенышей, как воровать наших курочек. Мы были вынуждены лишить их жилья, и навесили на сарай двери.

Эта зима была очень лютой, столбик термометра опускался в январе ниже 40 градусов, целую неделю мы даже не учились в школе. В феврале стало потеплее, но начались сильные снегопады и бураны. За ночь наметало столько снега, что невозможно было выйти из дома, приходилось откапываться. Белым сплошным одеялом сравнивало двухметровые заборы. Лошади вязли в снежном месиве по самое брюхо, выбивались из сил, стараясь пробиться. В лес зимой ез-

дили за дровами только на быках, только они могли противостоять этому бездорожью. Запряженные в сани они, как танки, раздвигая грудью снег, пробивались вперед.

В марте, как по мановению волшебной палочки, бураны прекратились, небо стало голубым и безоблачным, а яркое солнышко пригревало по-весеннему. С крыши зазвенела капель. Даже птицы стали петь как-то по-другому, по-весеннему. Мы залезли с Лидой на крышу и стали сбрасывать снег. Лида предложила съезжать с крыши вместе с пластами снега в сугробы. Она уже съехала с визгом с крыши и выбиралась из сугроба, подзадоривая меня: «Борька, прыгай, трусишь, да?» Конечно, я не мог показаться трусом в глазах сестренки, она ведь съехала. Было, конечно, страшно, но я закрыл глаза и поехал вниз. Плюхнулся в мягкий снег и ушел в него по пояс. Так мы спустили снег с одной стороны крыши. Сестренка только поднималась по лестнице на крышу и не видела, куда я скатился, а я решил прыгнуть в огород. А там еще летом была выкопана большая яма, из которой брали глину для ремонта печей. Вот в нее я и попал. Вначале, после приземления, я ничего не понял, только поднял голову вверх и на миг увидел высоко над собой небо, но тут же свет померк. Видимо свалившийся с крыши большой пласт накрыл меня. Лида решила, что я ушел домой. Когда она пришла домой и меня не обнаружила, то обо всем рассказала бабушке. Меня искали всей улицей часа два, пока соседская собака не обнаружила мое местонахождение. Меня откапали, я уже был без сознания. Недели полторы в школу не ходил, болел.

В марте произошел еще один неприятный случай. Бабушка ушла в село Архангельское за хлебом, а к нам пришли играть ребятишки. Мы всей компанией забрались на русскую печь, там была насыпана толстым слоем рожь для проращивания на солод. Мы сильно разбавлялись и стали прыгать с полатей на печь. И вдруг в печи раздался какой-то глухой стук, заслонка свалилась на пол, а из печи вылетело облако золы и разлетелось по всей избе. Мы в ужасе спрыгнули с печи и увидели, что свод печи рухнул и в печи лежит грудка кирпичей. Мы с Лидой стали собирать веником разлетевшуюся золу, а ребятишки под всякими предлогами убежали по домам. Лида, чувствуя, что ей, как старшей, придется отвечать перед бабушкой, заревела: «Я же знаю, что бабушка меня отлупит».

«Не реви, я за тебя заступлюсь» — сказал я ей и тоже заревел.

Вот за этим занятием бабушка нас и застала. Ноги ее плохо держали, и она осела на лавку. Немного отдышавшись, она как-то шепотом спросила: «Кто это сделал?» Мы продолжали голосить и разом прокричали: «Она сама пала». Бабушка этой нашей версии, конечно, не поверила и для острастки подергала Лиду за косы. На другой день бабушка развела в корыте глину, вытаскивала кирпичи из

нени, очистила их, смочила водой. Потом залезла в печь и сказала, чтобы им подавали ей кирпичи. Она стала восстанавливать кладку, но кирпичи почему-то плохо держались и падали. Наконец бабушка закрепила их деревянными подпорками.

За почками

В конце марта яркое весеннее солнце немного осадило снег, и на поверхности образовался плотный слой — наст. Можно было без лопы, как по полу пройти куда хочешь. В один из таких дней директор школы Антонида Еремеевна сказала, что сегодня учиться не будем, а пойдем все в лес собирать березовые почки для госпиталя. Мы все обрадовались и закричали: «Ура». Директор подняла руку, требуя тишины: «Прошу внимания, ребята, мы идем не на прогулку, первое и второе классы сдают учителю по одному и по два стакана почек с каждого ученика, а третий и четвертый классы по три стакана. Березовые почки собирать будем в бумажные кульки, каждому сделать по кульку». Наделав кульков, шумной ватагой идем в лес. От деревни до леса совсем близко. С громким лаем нас

сопровождают две дворняжки Тузик с Шариком. От деревни сначала шли по дороге, а потом, а потом, поравнявшись с опушкой леса, свернули и пошли по насту. Здесь, на опушке, росли раскидистые березки. На одной из них еще издали мы увидели двух тетеревов, вытягивая шеи, клевали почки. На соседней березе сидела болтливая сорока и что-то громко трещала, наверное, сообщила тетеревам о нашем появлении. Шарик с Тузиком с громким визгом прыгнули к березе, на которой сидели птицы. Тетерева, поднявшись вверх, полетели вглубь леса, за ними стрекоча, улетела сорока. Снег был еще глубокий, поэтому мы без труда распределились по березам, сучки были низко от наста. Да собирать почки, сидя на березе, занятие потруднее, чем летом собирать ягоды. Тут надо одной рукой держаться, чтобы не брякнуться, а второй собирать, да и почкам меньше ягод. Сидя на березах постоянно спрашиваем друг у друга: кто сколько набрал? Кулек медленно но постепенно наполняется. На соседней березе на толстом сучке сидит Васька Киселев, насмешливо, подражая свисту синиц. Это у него неплохо получается, синицы ему отвечают. Васька подзадоривает меня: «Борька, а ты умеешь так свистеть?» Я попробовал, но у меня вместо свиста что-то получилось наподобие «ссыы-шии».

Я свистеть умел, но накануне вечером у меня выпал передний зуб и, видимо, поэтому у меня ничего не получилось. Васька так расхохотался надо мной, что кубарем свалился с березы, рассыпав при этом все почки из кулька. Он встал, потирая ушибленную попу, к нему подбежала учительница Лидия Ивановна и с испугом спроси-

ла: «Сильно ушибся, говори где больно» и стала ощупывать его, от чего Васька захохотал и сквозь смех кричал: «Ой, щекотно». Лидия Ивановна с облегчением выдохнула: «Фу как ты меня напугал!»

До обеда мы общими усилиями насобирали большую корзину почек, её предусмотрительно взяла Мария Тихоновна. Вернувшись в школу, немного перекусили: каждому натили по кружке молока, а хлеб каждый приносил свой из дома. Хлеб был черный с мякиной, но казался невероятно вкусным.

Весенние каникулы

С 12 апреля нас отпустили на весенние каникулы, так как разлившиеся лога и речушки были серьезным препятствием по пути в школу, особенно из дальних деревень. Поэтому датой начала каникул служила степень разлива рек и определялась директором школы. Я проснулся от громкого свиста, доносившегося из открытой форточки. Я подумал, что это вызывает меня мой тезка, когда заходит за мной по пути в школу, подбежал к окну, но на улице никого не увидел и вспомнил, что у нас каникулы. Снова слышу свист, поднимаю глаза и вижу, как на скворечнике, напротив нашего дома, трепеща крылышками, свистит, а потом переходит на трель, то вдруг начинает мяукать, лаять черный с отливом на грудке скворец. Стайка воробьев возмущенно орут, сидя на черемухе. Сегодня воскресенье и бабушка уже на кухне что-то варит в чугушке в топившейся русской печи. Я поинтересовался, и бабушка объяснила, что сегодня вербное воскресенье, и она красит в луковой шелухе яйца на Пасху, которая будет через неделю. Целое блюдо темно красных яиц стоит на столе, бабушка берет куриное перо, макает его в растопленное масло и, взяв яйцо двумя пальцами, рисует на нем крестики. Тут мы с Лидой попросили у бабушки порисовать на яйцах. Она дала Лиде еще одно перо, и мы приступили к делу, только бабушка запретила рисовать рожицы. Мы разрисовали с сестренкой по пять яиц. Лидка нарисовала красивые цветочки, а я звездочки, солнышко и какой-то замысловатый орнамент.

За бабушкиной усадьбой были заросли кустарника и мы, надев резиновые сапоги отправились за вербой. На улице к нам присоединились Люба с Ниной. Прямо по огороду было идти еще грязно, и мы пошли по дороге околицей. Пройдя немного, еще издали увидели среди низких осинок три распустившихся вербы. Нарвав по букетику вербочек, вернулись домой. Бабушка опустила вербочки в банку с водой, поставила ее возле икон рядом с блюдом крашенных яиц. Есть яйца до Пасхи бабушка не разрешала.

Возле дома на дороге образовалось целое озеро от растаявшего весеннего снега. Легкий ветерок поднимал рябь до забора. Я сделал

кораблечика: один себе, а другой сестренке. В дощечках сделал швертборт, в них вбил палочки, получилось что-то вроде мачт. На мачты закрепил паруса из бересты. К нам подошел соседский Папкин. Он нес в руках красивую модель парусника с тремя мачтами и множеством парусов из плотной бумаги, по бортам были сделаны две пунжи из жести, корабль был покрашен. Наши одномачтовые, конечно, отставали наполовину от Папкиных. Изрядно намокнув, идем гулять домой на русской печи. После масленицы начинался Великий Пост и бабушка наша не ест ничего мясного, молочно-го не ест, не ест колобы, варит только овсяной кисель, горошницу и различные супы из овощей. А накануне Пасхи вообще ничего не ест, а только молится и читает Евангелие и Акафист всю ночь.

В воскресенье на небе не было ни одного облачка, А яркое солнце светило и переливалось. Бабушка уже напекла колобов и пригласила нас за стол. Мы зашли на кухню уже умытые. Бабушка улыбнулась нам и сказала: «Христос воскрес». Мы дружно ответили: « Воистину воскрес» и перекрестились на икону Иисуса Христа. Потом бабушка подала мне и Лиде по пять яиц и заставила нас сразу съесть их сырым. Потом мы принялись за колобы со сметаной и с черничным вареньем. Позавтракав и поблагодарив бабушку, растолкали свои паны по карманам, выскочили на улицу. Забежали к бабушке Анисье. Я еще с порога кричу: «Бабушка, Христос воскрес, и подаю ей крашеное яичко. Она взяла на спицах носок, но увидев нас, отложила вязанье и говорит: «Воистину воскрес, матушки вы мои, не забыли бабушку», она встает и подает нам с Лидой по три яичка. Потом говорит: «Погодите чуток, медком вас попотчую» и приносит тарелочку с медом, хлеба и воды. Поев хлеба с медом и запив водой, мы поблагодарили бабушку Анисью и побежали к Папке через дорогу. В сенках нам повстречалась Папкина мать тетя Таня, у нее в руках была черная сумка. Она поздоровалась с нами, а потом крикнула Папке, который что-то прибывал на чердаке: «Папка, я пошла в Архангельское за хлебом, а ты не забудь покормить кролей. Я скоро прииду. Спазь, к тебе тут гости пришли». Стук прекратился и в проеме чердака появился Папка с молотком в руках. Он спустился к нам по лестнице и я него любопыт-

ствовал: «Чего это ты опять мастерил?» Он взъерошил рукой свою ражеватую шевелюру и загадочно улыбнулся: «А вот сейчас увидите». Он позвал нас наверх и мы по лестнице залезли на чердак. Там было светло, так как было открыто окно. К верхней стреле крыши была привязана качель из веревки, а чтобы было удобно качаться и сидеть, внизу на веревках было закреплено деревянное корыто. Сначала мы качались по очереди, поодиночке, а потом ре-

Тут к нам пришли еще Рая с Ниной. Расхрабрившись, мы раскачивались до самой крыши. Потом качались Пашка с Лидой стоя, а я залез в корыто меж ними. При раскачивании стреха запоскрипывала и тут раздался треск, и мы рухнули на чердак вместе с корытом, вылетев при ударе из него. Корыто раскололось пополам на две части, а мы отделались легкими ушибами и ссадинами. А вот крапешных яиц было жалко, они в карманах помялись в лепешку. Которые были поцелее мы их тут же съели, а остальные выбросили. Пашка попытался сколотить расколотое корыто гвоздями, но у него ничего не получилось. Потом мы пошли играть к Нине. Нинина мать тетя Катя встречала нас всегда приветливо. У нее был тихий ласковый голос. Мы хором прокричали ей: «Христос воскрес!» Она посадила нас за стол и заставила съесть по яйцу и колобы со сметаной. Возле окна сидел дядя Степан, Нинин отец. Надев очки, он внимательно просматривал свежий номер районной газеты «Ленинский путь». На войне он потерял обе ноги, но пришел с фронта живой, поэтому мы часто завидовали Нине. Несмотря на инвалидность, он сразу занялся посильной работой в колхозе. У него были «золотые руки». Он был хорошим столяром и шорником. Все работы он делал на дому. Возле их дома всегда стояли телеги, требующие ремонта или уже починенные. В ограде, возле верстака была гора стружки, а в тенечке у ворот под навесом белели вновь сделанные колеса для телег с железными обручами по ободу и ступице. На стене сохли с десятков граблей, а чуть подальше, в ограде на длинных вешалах висели хомуты, дуги, седла. И вот сочетание этих родных деревенских запахов: стружки, дёгтя, лошадиного пота я помню до сих пор. Правда, когда работы было очень много или надо было менять колесо на телеге, дяде Степану давали в помощь человека. На одной ноге он носил протез из пластмассы, который крепился к култышке ноги ремешками, а на другой ноге был протез из дерева. На конце его был прибит резиновый пятак, чтобы нога не скользила. При ходьбе протезы постукивали и поскрипывали. Дядя Степан был всегда в хорошем настроении и при работе что-то напевал себе под нос. По выходным и праздникам не прочь был выпить ядреного хлебного самогона, а потом пускался в пляс. Плясал он под гармонку виртуозно, стуча по полу протезами. Но, если случался перебор и он падал, то тетя Катя брала его на руки и уносила, как с поля боя, домой спать.

После похода домой к Нине, мы пошли к Любиному дому. Возле него, возле ворот был вкопан небольшой столбик, в центр среза которого был вбит железный штырь. В длинной и толстой доске по центру делалось отверстие, через которое доска закреплялась на столбике, получалась своего рода самодельная карусель. Подцепившись к доске с обеих концов по двое мы могли часами кружиться на ней.

Так у нас прошло Христово воскресенье. Уставшие и довольные мы вернулись с Лидой к вечеру домой. Войдя на кухню, выложили крапешные яйца из карманов в блюдо. Яйца были разноцветные: голубые и синие, Оранжевые и малиновые в крапинку.

Ишкин клад

Каникулы уже заканчивались, когда у нас произошло интересное событие. Бабушка кормила большого двух годовалого кабана. Однажды, придя домой, сказала нам, что Яшка, так звали поросенка, прорыл пол и выкопал метровую яму под ним. Бабушка позвала Геннадия, сына бабушки Анисьи, чтобы он помог заделать разорванный пол. Геннадий принес с собой лом, топор, ножовку и пилу. Яшку с трудом выдворили из ямы, из которой торчала одна его лапа. Перегнав поросенка в другую закуску, Геннадий решил обшаривать яму. Он ткнул ломиком в дно ямы, оттуда послышался какой-то металлический звук. Взяв лопату, он с немалыми усилиями выкопал небольшой сундучок, обитый уже поржавевшими железными полосками. Сундучок был закрыт на внутренний замок. Вытащив его на улицу, ломиками вскрыли крышку и ахнули. Внутренние стенки сундучка были обиты зеленым бархатом и ни одна капля влаги не попала вовнутрь. Сундучок был полон пачками царских купюр Николаевской эпохи и временного правительства. Купюры были свежие не помятые, как будто только выпущенные. Бабушка вспомнила, что когда-то очень давно эта усадьба с надгробными постройками принадлежала попу, что он давно уж умер, а купюры при жизни припрятал. К нашему сожалению, в сундучке кроме бумажных денег ничего больше не было. Потом мы долго еще играли этими деньгами.

Жизнь в Архангельском

В 1952 году после операции по поводу доброкачественной опухоли на шее в возрасте 40 лет, мама переезжает к нам в деревню Пчельниковую. Вера, моя старшая сестра в это время уже училась в Кировском педагогическом институте. У мамы резко начало падать зрение. Но она все же устроилась заведующей нефтебазой в селе Архангельском и по совместительству сторожем там же. В селе Архангельском мама сняла комнату у Червяковой Таисии Пантелеевны. Дом стоял в живописном месте на берегу лога среди деревьев. Особенно было красиво весной, когда лог превращался в настоящую речку и, с шумом уносясь переходы и заборы, устремлялся в реку Большой Нюрюг. Потом, когда лог входил в свои берега, мы с Витей, старшим сыном мамы, устанавливали игрушечные водяные мельницы, на бы-

стром течении пускали самодельные кораблики. В зарослях жило много птиц. В мае соловьи открывали такие концерты, что заслушаешься. Обычно по вечерам мы выходили на крылечко и слушали их пение. Сначала концерт открывал один, потом он замолкал, как бы прислушиваясь к трелям второго, второй передавал эстафету третьему, а то вдруг начинали уже в сумерках перекликаться трелями между собой. Среди кочек, в русле лога гнездились маленькие утки-чирки, а на пригорке в норах обитали колючие ежи. Мы приносили одного даже домой, кормили его молоком, но однажды дверь в избу была открыта, и он от нас сбежал в свою стихию. В логу под корягами жили небольшие натымы и коричневые усахи, мы охотились на них с маленькими острогами или просто с вилками.

По соседству с нами снимала комнату молодая женщина Зоя Полубоярцева, она работала агрономом в колхозе после окончания сельскохозяйственного института. Одета она всегда была в военную гимнастерку с медалями. Во время войны Зоя на фронте была медсестрой, а потом ее перевели в разведроту. С ее приходом в колхоз им. Калинина стал наводиться порядок с севооборотом, дисциплиной на рабочих местах. На высокую красивую агрономшу обратил внимание наш сельский киномеханик Витя Гольшев, тоже видный парень на селе. Между ними завязался бурный роман, но какая-то грязная сплетня помешала их свадьбе. Через год Виктор женился на другой девушке, а Зоя долго еще не выходила замуж. Четвертый класс я заканчивал в Архангельской начальной школе. Она располагалась в деревянном двухэтажном доме напротив церкви. По арифметике и классным руководителем у нас была Ольга Ильинична, очень властная женщина, жена директора Архангельской средней школы Вениамина Николаевича. Они приехали откуда-то с севера. Она приходила на уроки в дорогих красивых костюмах с длинными накрашенными ногтями. Тогда еще редко кто делал маникюр.

Если кто из учеников решал задачку неправильно, она подходила и долбила длинным накрашенным ногтем прямо в стриженную макушку со словами: «Что решаешь, тупица?»

А во втором полугодии произошел курьезный случай, о котором говорило все село. После новогодних каникул к нам в класс пришел новый ученик. Он приехал с родителями из Львова, звали его Костя. Отца его назначили председателем сельского совета, а мать так же, как и наша Ольга Ильинична щеголяла в дорогих платьях и костюмах. Прошло две недели, Костя быстро освоился в классе. Однажды Ольга Ильинична на уроке вызвала Костю к доске, он скинул под партой обувь и вышел в одних носках. Учительница покраснела от ярости и наотмашь ударила его по лицу. Из носа побежала кровь. Костя захватил нос платком и, как был в носках, с ревом побежал домой. Минут через 20 прибежала его мать и что

И началось! Они сцепились с Ольгой Ильиничной и таскали друг друга за волосы, пинались, ругались. Их с трудом разняли учителя.

Этот конфликт дошел до районо. Ольге Ильиничне дали выговор, но на работе оставили. В дальнейшем она перешла в среднюю школу учителем математики. Но и там она занималась рукоприкладством. Ее муж, директор средней школы, которая находилась на берегу за рекой, был покладистым и общительным мужчиной. Он вел в школе уроки пения, у него был хорошо поставлен голос. Мы с ним познакомились, когда нас после окончания начальной школы перевели в среднюю. Знакомство произошло так: прозвенел звонок, мы стоим около парт, ждем учителя пения Вениамина Николаевича. Дверь распахивается и в класс быстрой походкой входит мужчина средних лет в хорошо отутюженном светлом костюме с красным галстуком. Правой рукой он придерживает блестящий сверкающий аккордеон с перламутровыми клавишами. Он снял ремни с плеча и поставил аккордеон на стол. Потом внимательно посмотрев на нас, сказал: «Здравствуйте, ребята!» Мы хором ответили: «Здравствуйте».

«Вы, наверное, знаете, что зовут меня Вениамин Николаевич.

А теперь прослушайте внимательно порядок проведения урока. В начале урока будем проводить распевки. Будем стоя петь песню о нашем вожде Иосифе Виссарионовиче Сталине. Я буду аккомпанировать на аккордеоне. Вначале послушайте всю песню в моем исполнении, а потом я вам раздам листочки со словами песни, вы их перепишите в тетради». Он вскинул ремни аккордеона на плечи и, кажется, по всей школе зазвучали вступительные аккорды и он начал петь:

От края до края по горным вершинам,
Над горный орел совершает полет
О Сталине нашим родном и любимом
Счастливые песни слагает народ.

Вениамин Николаевич пропел еще несколько куплетов песни и закончил. В классе стояла гробовая тишина. На нас, детей из деревни, неизгладимое впечатление оказали слова песни, а особенно торжественная музыка и то, как виртуозно учитель играл на аккордеоне. Потом он разрешил нам сесть, раздал листки со словами песни. Быстро переписав, мы начали разучивать первый куплет, а затем и остальные под музыку. Вениамин Николаевич объяснил нам, что эту песню надо петь торжественно, очень выразительно и с чувством уважения. В конце урока учитель сделал перекличку по журналу и каждый названный им ученик вставал, а он внимательно окидывал взглядом, как бы запоминая. Заканчивая урок, Вениамин Николаевич объявил нам, что со следующего урока мы будем изучать нотную грамоту. Много нового для себя мы узнавали на каждом уроке,

учили и пели песни, слушали игру на аккордеоне. Нам всем нравились уроки пения.

Воспоминания о наших соседях

Когда мы жили за логом на квартире у Таисии Пантелеевны, там я познакомился с соседским мальчиком, приехавшим на жительство к бабушке и тетке из Мурманска. Звали его Володя, впоследствии он стал моим закадычным другом. Володя рос в обеспеченной семье: отец работал боцманом на торговом, а затем на рыболовецком флоте. Он уходил в плавание на полгода, а иногда и дольше. Мать нигде не работала. Однажды, во время плавания корабль попал в семи бальный шторм, отца сбило с палубы волной. Но он сумел спастись на спасательном круге, который с корабля сбросили его товарищи. Это купание не прошло даром, отец простыл и заболел двухсторонним воспалением легких. Хотя от природы отец Володи был мощным и здоровым и никогда не болел. Он напоминал боцмана из кинофильма, которого играл Борис Андреев. Проболев две недели, он неожиданно умер. Мать недолго хранила траур и скоро сошлась со штурманом-алкашом, которого списали с флота. В доме начались постоянные пьянки. Через год в квартире не осталось ничего, что было нажито годами. Володя начал высказывать матери свое недовольство и сказал, что уедет к бабушке и тетке в Архангельское. Мать дала ему денег на билет, и он приехал в наше село. Он окончил нашу среднюю Архангельскую школу, а потом уехал на Урал в город Свердловск, работал на ВИЗе. Сейчас он тоже на пенсии. Дети сын и дочь живут своими семьями.

Во второй половине дома, где жили Володя с бабушкой и тетей, жила еще одна семья, о которой мне хочется вспомнить. Мужчине было лет 40, невысокого роста, без определенной национальности. Про себя он по-пьянке говорил, что он на половину молдавский цыган, на половину грузин. Ходил в хромовых сапогах с длинными голенищами, в мундире, в галифе, на голове носил серый картуз с большим козырьком. С ним происходили постоянно какие-нибудь комические случаи, когда он был пьян, а пьян он был почти каждый день. Однажды он спутал дорогу домой и убрел на кладбище, где свалился в свежеврытую могилу. Оттуда его вытащили только утром, ехавшие за горючим на нефтебазу мужики из соседней деревни, но перед этим он их всех перепугал и они пустили лошадей вскачь. Тогда он закричал:

«Вытащите меня отсюда, это я Виссарионка!» Его, конечно, знала вся округа, завернулись и вытащили его из могилы.

Часто, возвращаясь из чайной «подшафе», он никак не мог преодолеть мостик через лог из двух широких плах, падал в болотную

крики, заиссал там руками и ногами. Каждый раз из лога доносилось: «Матка, спасай, Виссарионка тонет!» Это он звал свою жену, тетку Марьяну. Но она не торопилась приходить ему на помощь, говоря при этом: «Так ему алкашу и надо, пусть еще побулькается немножко». Но, когда крики начинали ослабевать, шла и извлекала всего перепачканного супруга, тащила его в огород к бочке с водой и, черпывая ведром воду, поливала его с макушки, смывая грязь. А он все крестился, на чем свет стоит: «Вот, мать перемать, только встану, а тебе покажу!» На крики прибегал их козел Пират, не менее знаменитый на все село. Он рыл передними копытами землю, наклонив голову с большими зазубренными и загнутыми назад рогами. Он наступал на тетку Марьяну и норовил её боднуть. Это он так защищался за своего хозяина. Обычно Пират бродил возле магазина возле лавки, ждал хозяина, а когда тот «чуть теплый» выползал от лавки и ложился на лужайку, охранял его, не подпуская никого.

Изначально тетка Марьяна пыталась привязать его к вбитому колу возле лавки, но как только уходила, козел отгрызал любую веревку и бежал в село с обрывком. Пират был грозой ребятишек и, увидев его, дети закрывали на заборы. Но однажды забора рядом не оказалось, и я впервые заметил Пирата. Я дал стрекоча к высоким березам за огородами. Добежав до первой березы, я стал бегать вокруг нее, пока зашвырнувшись за Пиратом обрывок веревки не замотался весь вокруг березы. Тут я облегченно вздохнул и, взяв валявшуюся вилу, отлучился вилу за старое, за новое и на два года вперед. Мужики возле лавки подвыпивши часто издевались над козлом: то они давали ему «вечную пожку» и он, наклонив голову, чадил. Иногда мужики на спор меж собой наливали козлу сто грамм и, он не поморщившись, одним глотком выпивал водку. Потом становился буйным. Однажды в такой момент из магазина вышла наша классная «мучительница» Ольга Ильинична. Она была, как обычно, в красивом синем костюме. В руках у нее была сумка с продуктами. Выйдя из магазина, она наклонилась, чтобы поправить съехавший на бок шов на валявшемся чулке (они были большой редкостью тогда). Увидев перед собой большой зад Ольги Ильиничны, козел, пригнув свою разогнутую голову, ринулся на таран. От сильного удара «училка» сделала супербит через голову и распласталась в луже. Из сумки вылетели баранки. Пират подбежал к ней и занял боевую позицию. Ольга Ильинична закричала, и мужики с трудом оттащили козла.

А еще один случай произошел летом в июле. Мы купались на реке. Разбежавшись, ныряли с крутого обрывистого берега в омут. Пробовали ходить под водой, а, чтобы не всплывать брали тяжелый булыжник в руки. Накупавшись, я стоял и обсыхал под лучами солнца и легкими порывами теплого ветерка. Вдруг мое внимание привлекла коза с козленком, пасшиеся возле берез у огородов ме-

трах в двадцати от нас недалеко пощипывал травку с оборванной веревкой Пират. Из овсяного поля к ним подкрадывалась волчица с подростком волчонком. Видимо мать-волчица обучала премудростям охоты свое чадо. Увидев волков, Пират ринулся на выручку. Он встал рядом с козой и принял боевую позицию, низко опустив голову. Козленок залез между ними. Волчица, видимо, решила сразу сломить сопротивление своих жертв. Она распласталась в прыжке, но тут же отлетела, перевернувшись через спину от мощного удара рог Пирата. Полизав ушибленный бок, волчица начала кружить вокруг, уворачиваясь от резких выпадов Пирата. Тут и мы закричали и побежали на выручку. Увидев, что мы приближаемся, волчица переметнулась с волчонком в сторону леса и трусой скрылись в зарослях овса. После этого случая мы с уважением стали относиться к Пирату за его рыцарский поступок. И при встрече с ним угоняли его пряником или морковкой. Он нас запомнил и уже больше не нападал.

Рыбалка

В пятницу утром я пошел в магазин за хлебом и зашел по пути к своему товарищу Вовке. Вовку я застал во дворе возле клеток с кроликами. Подняв верхнюю крышку клетки, он заталкивал траву кроликам из большого мешка, стоящего рядом. Я прямо от ворот ему выпалил: Вовка, сегодня новую кинокартину должны привезти, пойдем в кино!» Вовка утвердительно кивнул головой: «Конечно, пойду. Только надо будет у дяди Лени попроситься. Слушай, Борька, пойдем завтра утром на рыбалку, говорят хорошо клюет. Вчера Васька Перминов наловил полведра окуней и сорог». Накормив кроликов, Вовка достал с крыши сарая удочку и проверил все ли на месте. Потом, взяв пустую консервную банку и лопату мы спустились к логу, где была большая навозная куча, еще привезенная весной. Мы быстро накопили небольших красных червей, договорились, что Вовка утром за мной зайдет. Купив хлеб, я побежал домой, нашел пустой коробок из-под спичек и наловил на веранде мух. Это самая лучшая насадка на ельца. Взял горбушку хлеба и, сорвав на грядке большой огурец, все уложил в большую полевую сумку с длинной лямкой. Туда же положил запасную леску и крючки. За сборами меня застала мама, она пришла со смены с нефтебазы. От нее немного пахло бензином и каким-то маслом. Увидев мои приготовления, она спросила: «Куда это ты, сын, собираешься?» Я немного смутился, а потом попросил: «Мама, Вовка меня на рыбалку завтра позвал, я же знаю, что ты меня отпустишь». Тут я подошел к ней, взял за руку и заглянул в глаза. Это был веский аргумент, который почти никогда не подводил меня.

Мила засмеялась и сказала: «Ну и хитер же ты. Ладно, пойдя, только не забудь на голову картуз, чтобы не распекло, да в глубокие места не заходи». Я, как мог, успокоил маму.

Утром я проснулся от легкого стука в окно, тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить маму с сестренкой, подошел к окну и, махнув рукой, дал понять, что выхожу. Вовка был в полной экипировке: на ногах у него были обуты резиновые сапоги. Глядя на него, я тоже одел сапоги, утром в июле роса бывает холодная, да и частенько, прохаживая по лугу босиком, ненароком можно наступить на пчелу, а еще хуже на шмеля. После такого «укола» приходится полчаса выковыривать жало из пятки. Минувя село и огороды быстрым шагом спускаемся по тропке, ведущей к реке. Мы еще вчера с Вовкой договорились, что пойдем ловить рыбу на устье, где сливаются две реки: малый и большой Нюрюг. Там самый большой и глубокий омут. Но до устья нужно было идти два километра лесом. По обе стороны тропы раскинулся пойменный луг, на листьях растений дрожат и переливаются всеми цветами радуги в косых лучах восходящего солнца тяжелые капли росы. Еще не слышно трескотни кузнечиков и цикад, все на лугу притаилось, ждет, когда солнце взойдет и прогреет воздух и землю. Только высоко в безоблачном небе поют жаворонки, да носятся со щебетом над самой водой, вдоль течения реки неутомимые стрижи. За рекой в кустах ивняка трещит еще «швейной сторож» — коростель. От воды поднимается легкий парок. Река извилистым серпантинном уходит в лес. Тропа не повторяет изгибы реки, а идет прямо. На обрывистом лесном омуте мы встретились с учителем физики Станиславом Федоровичем. Две удочки с бамбуковыми удилищами были воткнуты в берег. В воде, в садке лежали несколько крупных горбатых окуней. Подойдя поближе, мы поговорились с учителем:

«Уважаюте, Станислав Федорович, ну как рыбалка?» В это время на одной из удочек поплавок резко утащило под воду и, он, нырнув, вытаскил небольшого колючего ерша. «А вот видите, ребята, что делается, ерши успевают заглотить червяка перед самым падением в окуня». Мы с завистью посмотрели на удочки учителя, бамбуковые удилища он купил наверняка в Кирове и лески — жилки тоже там. У нас же с Вовкой были самодельные удочки: удилища из рыбьих. А лески из связанного конского волоса из хвоста и гривы, поплавками служили пробки из бутылок. Еще на полпути Вовка шепнул мне: «Борька, давай половим рыбу с березы, тот раз я тоже вытаскил вот такого язя!» И он руками показал, какой длины он поймал язя, явно прибавив при этом. Я согласился, но мы решили язя пробой размотать по одной удочке. Устроившись на самой середине толстой березы, которая перегородила всю реку, насадив и поплавок на червяков, мы забросили удочки.

Течением поплавки медленно сносило под березу. Вдруг поплавок замер, а потом резко ушел под воду. Я подсек и почувствовал, что тащу крупную рыбу. Удилишко согнулось дугой, я напрягся и чуть не свалился с березы, хорошо успел ухватиться за толстый сук, росший кверху. Вовка оставил свою удочку и стал пробираться ко мне, чтобы помочь. Он почему-то почти шепотом сказал: «Борька, выводи тихонько, чтобы не сорвался, я сейчас». В это время рыба, а это был крупный окунь, сделала рывок кверху, показавшись на миг на поверхности, и резко опять ушла вниз, натягивая леску. Еще один рывок и тут напор ослаб. Я вытащил удилище, на нем болтался кусок лески с поплавком. У Вовки поплавок резко дернувшись, тоже пошел под воду, он потащил, но леска с рыбой зацепилась за один из сучков под водой и тоже оторвалась. Мы, конечно, расстроились, что упустили улов, но делать нечего. Выбравшись на берег, зашагали к устью. Минувя излучину реки, где тропа граничит с берегом реки, мы выходим на большую поляну. Пройдя еще сотню метров вдоль берега реки, тропа приводит нас к самому устью. На берегу виднелись следы от костра. Мы решили удить на другом берегу, рядом с впадением малого Нюрюга. На перекате по переходам перебрались на другой берег. С переката речка заросла кувшинками, а при впадении протока была покрыта пестовником (водяной хвощ) и он колыхался под легким напором водяных струй. Солнышко уже взойшло над лесом, трава высохла от росы и мы, сняв сапоги, блаженно отдыхаем, развалившись на высоком берегу. Отдохнув десяток минут, разматываем удочки и, побросав для приманки мякиш хлеба, приступаем к рыбалке. Луг и лес ожили. Стрекохут кузнечики, над нами оголтело носится овод. Изумрудно голубые стрекозы, как маленькие вертолетчики, кружат над кувшинками, то вдруг садятся на самый верх пестовника, а осмелев на самый кончик поплавка. С началом жары клев стал ослабевать, мы поймали с десяток сорожек и пять небольших окуней. На червя рыба перестала брать вообще, тогда мы попробовали на мух. И поймали еще два ельца, и опять не стало клевать. Тогда насадили на крючки кузнечика — не клюет. Тогда я сказал Вовке: «а давай попробуем ловить на муравьиные яйца, говорят, берет крупная сорога и язь.» Воткнув в берег удочки, мы отправились искать муравейник. Рядом был лес и долго нам искать не пришлось. На пригорке, под высокой раскидистой елью мы нашли высокий, почти в рост человека, муравейник. Трудяги муравьи сновали туда-сюда, таскали какие-то сухие хвоинки, травинки, каких-то букашек, в общем занимались своей повседневной работой, не замечая нас. Мы сорвали по травинке и положили в самый центр муравейника. Муравьи облепили травинки со всех сторон и стали сбрасывать с муравейника. Тогда мы стряхнули с них муравьев и взяв травинки в рот, полизали их, они были с приятной кислинкой.

Найти муравьиный дворец было жалко, поэтому мы чуть с краю разрыли палкой муравейник. Среди хвоинок показались белые муравьиные яйца. Мы без труда быстро набрали их половину спичечного коробка и поплыли обратно. Перед самым устьем, в низинке в кустах появились из родника холодной воды. Только хотели идти Вовка крикнул: «Смотри, Борька, сколько малины! А рядом в кустах смородина, правда еще впрозелень». Поев малины, мы вернулись к удочке. При осмотре я не нашел свою вторую удочку. В голове мелькнула мысль, что, наверное, кто-нибудь из ребятишек взял ее, пока мы были в лес. Но тут наше внимание привлекла какая-то палка, торчавшая на середине омута, а потом снова скрылась под водой, потом вновь показалась. Я понял в чем дело и заорал «Вовка, так это же моя удочка, какая-то крупная рыбина таскает ее!» Как по команде мы бросили с себя одежду и, прыгнув в воду, поплыли к удочке. Удочка опять исчезла под водой и минут через пять показалось движение в десяти от нас. Рыба видимо стала уставать и на этот раз мы успели ухватиться за удилище. «Вовка, давай ее вытащим на мелкое место, а то опять оборвет леску и уйдет!» — предложил я.

С трудом мы с удочкой выплыли на перекат и, взяв зяя под жабры, вытащили на берег. Зяь был крупным килограмма на два с крупной щукой. Да, такой трофей нам еще не попадался. Мы срезали ивовый прут, сделали кукан и свесали на него весь улов. Смотали удочку и поплыли домой. При ходьбе зяь хвостом почти доставал землю. Когда дошли обратно до лесного омута, Станислава Федоровича уже не было, наверное, ушел домой, а жаль, так хотелось похвастаться перед ним уловом.

В этот навстречу нам попал рыбак со стажем дедушка Николай, отец нашей биологички Маргариты Николаевны. Он обычно подтрунивал над нами, когда мы возвращались с мелкой рыбешкой, часто говорил: «Ну, что рыбаки, рыбу ловите, а мух варите?» А иногда он нас даже похвалил: «Молодцы, но как вы такого зяя на удочку или зюст вытащили? Я ныне ловил зяя на перемет, а на удочку ни один не попался». Дедушка облюбовал два омута вблизи села и возвращался всегда с хорошим уловом окуней штук по десять, но зато каких! Каждый экземпляр весил не менее 400–600 грамм и щуку или две шуки по килограмму и более. Мы не один раз с Вовкой пытались разгадать и перенять секрет его успеха. У него были длинные березовые удилища, он брал всегда 3 или 4 удочки. Лески у него были, правда, настоящие: жилки, на конце которых стальная поводка с большим тяжелым грузилом и с крючком — тройником. Поплавки он не признавал, говорил, что это детская забава. Мы разматывали лески, насаживали на тройник сразу кучку червей, плывали и забрасывали снасть точно под куст, наклонившийся над водой. Потом доставал большую черную трубку и засыпал в нее не

менее одного стакана махорки, раскуривал и ждал. Минут через 15-20 он делал резкую подсечку и на берег со стуком вылетал крупный горбатый окунь. Мы за это время успевали поймать по мелкой сорожке или по пескарю. Он даже на свои поминки, перед своей смертью наловил рыбы.

Придя домой, мы застали только сестренку Лиду. Она сказала, что маму вызвали на работу, бензовозы привезли из района бензин. Мы с Вовкой по-братски разделили наш улов: язя разрежали пополам. Лида к приходу мамы сварила вкусную уху со свежей картошкой и зеленым луком. В шесть часов пришла мама и сели ужинать. Мама тоже похвалила меня за улов. Я отпросился у мамы в кино, она отпустила и дала мне денег на билет, а сестренке сказала: «Лида, ты в кино сходишь завтра, а сегодня пойдешь со мной дежурить на нефтебазу». Лида приняла это решение без энтузиазма, но маме мы не перечили. «А тебе, сын, — это мама обращается ко мне — придется спать одному или пригласи Вову, если его отпустят». Я одел спортивный костюм, и, как раз, в это время прибежал Вовка. Он был в вельветовой куртке и белой рубашке. Мы пришли в клуб рано, никого еще не было. В кинобудке слышалось жужжание. Мы заглянули в приоткрытую дверь. Там киномеханик Виктор Голышев крутил какую-то ручку, увидев нас, он спросил: «Пацаны, хотите мне помочь? Надо банки перекрутить». Мы, конечно, согласились и тут же, принялись за работу. Крутили по очереди до пота. Ну, вот перекручена последняя кинобанка и мы вышли отдохнуть на улицу. Возле клуба уже толпится народ. Киномеханик взял сумку, открыл клуб и начал продавать билеты. Мы подошли и протянули ему деньги. Он улыбнулся и сказал: «Нет, ребята денег я с вас не возьму, потому что вы помогли мне. Только садитесь на третий ряд, на пятое и шестое места». Постепенно клуб заполнился, свет погас и начали показывать киножурнал.

На экране показали мчащийся железнодорожный состав, а впереди паровоз и, казалось, что он прямо летит с экрана на нас. Тут не выдержали нервы у старушки из деревни Пчелинской Дуни Орефановны. Она залезла под сидение и заголосила оттуда: «Ой, батюшки святы, задавит ведь!» Зал грохнул от хохота. Старушку с трудом извлекли из-под сидения. Во втором сюжете показали Днепрогэс, а потом бесконечные поля пшеницы и академика Лысенко. Киножурнал закончился, зажгли свет, запустили опоздавших. Все успокоились и начали показывать фильм. Сюжет фильма был захватывающий: один самолет, летящий над джунглями, разбился. В живых остался только один маленький мальчик. Стая обезьяна взяла его на воспитание, а обезьяна Чита заменила ему погибшую мать. Мальчик вырос и стал сильным и ловким, как обезьяна. Он полюбил девушку Джину и похитил ее. Фильм всем понравился, даже не

Типпи на то, что лента рвалась на самых интересных местах. Например, где Тарзан с Читой спасают Джину от верной гибели на водопаде. Фильм закончился, зажегся свет, но никто не хотел расходиться, находились под впечатлением картины. Типпину нарушил кинозвуканик: «Товарищи, всем понравился фильм? Через недельку в кинопрокате мне пообещали вторую серию, так что будем ждать. А сейчас давайте «танцы до упаду». Виктор зашел в кинобудку и включил музыку. Молодежь освободила зал для танцев. Лавки и стулья составили вдоль стен. И вот уже пять пар кружатся под звуки песни «Амурские волны». Еще несколько пар девчонок присоединяются к ним. Старшее поколение сидит на лавках и лузгает семечки. Все танцуют фокстрот, потом краковяк. Нам с Вовкой глазеть на танцовщиков, и мы вышли на улицу. На крыльце клуба стояли мужчины и махали махорку, искры от их самокруток разлетались и светились в темноте, как светлячки. Мы включаем фонарики и освещаем себе дорогу. У Вовки фонарик мощный — морской с сигнальными красными стеклами. Отец подарил ему за год до своей смерти. Луч Вовкиного фонарика, прорезав чернильную темноту, осветил купол церкви пяти метровой церкви. Тут к нам подошли ребята постарше Вова, Евгений и Саша Бураков. «А ну дай глянуть» — попросил Саша Вовкиного фонарь. Вовка протянул ему фонарик. «Да, светит, как прожектор, не сравнишь с нашими. Слушай, парни, полезем на колокольню голубей ловить. Сейчас они спят, голову под крыло ложат и мы легко их наловим» — предложил Венька. «А потом их куда?» — заинтересовался я.

«На выпустим потом» — ответил на мой вопрос Сашка — «Что будем делать?» — начал подтрунивать он. Хотя нам и правда не хотелось лезть в крошечной темноте на колокольню, но путь к отступлению был отрезан. Чтобы не потерять престиж в глазах ребят, мы решили идти за ними через площадь к церкви. По пристройке мы забрались в церковь через пролом в стене. На колокольню вела винтовая лестница, местами очень сильно разрушенная. В одном месте перила и перекрытия были перекинута пятиметровая тесина. Венька предупредил: «Пацаны, вниз не смотрите, может закружится голова, перебираемся на четвереньках по одному». Доска качалась и прогибалась под нами, было жутковато. А, чтобы попасть на третий этаж, нужно было пройти по узкому карнизу над тридцатиметровой темной пропастью, прижавшись вплотную к стене церкви. В этот момент пришла мысль, а как же мы будем спускаться обратно? Мы двинулись с Вовкой уже автоматически, как два робота и от страха не рвали, но виду не подавали. Ну, вот мы и у цели. Стоим у верхнего проема колокольни, ночной прохладный ветер освежает нас и приносит в чувство. Где-то далеко внизу горят маленькие огоньки в клубе и оттуда доносятся разухабистые аккорды гармошки. Над

проемом с балки свешивается обрывок толстой ржавой цепи от колокола. Венька хватается за цепь и раскачивается над пропастью, явно бравидура перед нами. Потом мы поползли еще выше через перекрещенные балки. На них устроилась целая стая голубей. Они не реагировали совсем на яркий свет от фонарей. И мы натолкали их под рубахи штук по пять. Обратный путь мы проделали в той же последовательности. Перелезая последним по тесине на четвереньках, где-то на середине, доска начала потрескивать. Я остановился и вцепился в доску, холодный пот побежал по спине. Но опомнившись, я стал осторожно продвигаться вперед. А себе дал зарок, что больше никогда не полезу сюда. Ребята, услышав треск тесины, тоже испугались. Но все обошлось благополучно. С трясущимися коленками мы спустились на землю. Улицей прошли до Сашкиного дома, там он залез по лестнице на голубятню и, приняв от нас пойманных голубей, посадил их в клетку. А нам сказал: «Приходите завтра днем, будем выпускать».

Расквартировав голубей, мы вернулись в клуб. Веселье в клубе было в самом разгаре. Гармошка на все голоса наяривала плясовую «по кончику». Двое парней в сапожищах ходили «гоголем» по кругу, явно подзуживая друг друга. Один залихватским голосом начинал частушку:

Начинают, задирают,
По закругу бегают,
Ты не бойся, мой товарищ,
Ничего не сделают!

Потом начинает оглушительно топать сапогами так, что стекла в клубе начинают дребезжать. Приходит очередь второго пьяного плясуна. Он идет вслед первому и поет фальцетом:

Мне вся милиция знакома
И тюрьма родимый дом!

И тоже гремит сапожищами по полу, отчего пыль подымается «коромыслом». Полная женщина приносит ведро воды и плещет на пол. В это время, лампочки, мигнув, гаснут. Освещение в селе отключали в 23–30. Но на стенах уже зажигают керосиновые лампы и пляска возобновляется. Когда «топотуха» надоедает, все просят сплясать «цыганочку с выходом» Виссарионка. Он в широких коричневых галифе, заправленных в начищенные до блеска хромовые сапоги, в кителе, поломавшись для виду, расправляет руки, как бы требуя внимания. Затем резко откидывает назад свои черные кудри и уже отточенными шагами, едва касаясь носками сапог пола, летит по кругу. Потом вдруг, грациозно изогнувшись всем телом, высоко подпрыгивая вверх, начинает колотить себя по всем частям тела. Кульминацией танца является щелчок ладонями по подошве сапог. Я смотрю и не верю своим глазам: тот ли это Виссарионко, постоян-

Или пьяный, опустившийся человек? Как все же музыка может преобразить, олухотворить почти «пропащего» человека. Правда, ему не отказали в темпераменте и таланте танцора. Все, собравшиеся в клуб, ему бурно аплодируют и вызывают его еще раз на бис. В клуб, как и раньше, вваливается пьяная компания.

Кинемеханик предлагает им выйти из клуба, но в ответ ему отвечает угрозами и трех этажным матом. Виктор хватается за грудки одного зарвавшегося в наколках мужика и выбрасывает его с крыльца и еще двоих его собутыльников постигает та же участь. Танцы возобновляются, но ненадолго. С треском и звоном разбитого стекла падает рама от удара колом. Женская половина завизжала, а парни и мужики высыпали из клуба, чтобы проучить хулиганов. Высокая блондин курсант, моряк с нашивками на рукаве, сняв и намотав ремешок на руку, размахивая увесистой пряжкой с якорем, хотел уже ринуться в самую гущу дерущихся. Но в это время на крыльцо вышел почтительный солидный мужчина в форме морского офицера с кортиками на боку. Оценив обстановку, он зычным голосом крикнул: «Угнать, ко мне». Когда морячок пришел в себя и вытянулся по стойке «мирно», офицер скомандовал: «Приведите себя в надлежащий вид и дайте мне ваше курсантское удостоверение». Курсант на мгновение и, нехотя, подал удостоверение с голубыми корочками. Офицер начал на нас взыскание, по прибытию в училище, сообщите командованию об этом, чтобы к вам были приняты меры общественного воздействия!»

«Так точно, товарищ капитан первого ранга, по прибытии сообщу командованию. Разрешите идти?»

«Идите» — разрешил капитан.

А тем временем дебоширов угнали за реку. Нам с Вовкой захотелось спать, и мы пошли домой. Ночевал я у Вовки на летней веранде. Над кроватью был повешан матерчатый полог для защиты от комаров. Мы, раздевшись до трусов, нырнули под полог и тут же захрюкали. Проснулись мы поздно, когда солнышко уже стояло высоко в небе. Принцесса Вовкина тетя Валя и сказала: «Что-то вы сегодня долго спите. Когда пришли-то? Что-то я не слышала, крепко спала вчера. Боря, приходила твоя сестренка Лида, узнавала про тебя. Я сказала, что у нас спишь, она и ушла домой. Ну да ладно, давайте умывайтесь и садитесь завтракать».

Я вынул из кармана часы, висевшие на стене, и заспешил домой, откладывая от завтрака. Дома я, конечно, никому ничего не рассказал о наших ночных похождениях. Сегодня воскресенье и моя очередь поехать с мамой на нефтебазе. Нефтебаза располагалась за селом, окруженная кладбищами: старым и новым. На территории нефтебазы, огороженной высоким забором, стояли на фундаментах с десятком больших цистерн с горючим и несколько емкостей с маслами